

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

На правах рукописи

Исаев Леонид Маркович

**ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ В
«АФРАЗИЙСКОЙ» МАКРОЗОНЕ НЕСТАБИЛЬНОСТИ**

Резюме

диссертации на соискание ученой степени

доктора политических наук

Москва – 2024

Диссертация подготовлена в Центре изучения стабильности и рисков факультета социальных наук «Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Для защиты отобраны 9 статей и одна монография. Все журналы, в которых опубликованы данные статьи, входят в первый или второй квартили по показателям цитируемости Web of Science и/или Scopus или «списки А, В, С, D» Высшей школы экономики.

1. Issaev L. Russia and the New Middle East // *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. 2021. Vol. 23. No. 3. P. 423-442.
2. Issaev L. Russia and the Middle East: From “Honest Broker” to “Status Keeper” // *Demokratizatsiya*, 2023. Vol. 31, No 3. P. 309-333.
3. Исаев Л.М. ЛАГ и Ближневосточный кризис // *Азия и Африка сегодня*. 2013. № 5. С. 33-36.
4. Исаев Л.М. Арабская весна и Лига арабских государств: между Багдадом и Каиром // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2013. № 3. С. 55-63.
5. Korotayev A., Issaev L., Shishkina A., Rudenko M. A., Ivanov Y. Afrasian Instability Zone and Its Historical Background // *Social Evolution & History*. 2016. Vol. 15. No. 2. P. 120-140.
6. Issaev L., Korotayev A., Zinkina J. V. Center-Periphery Dissonance as a Possible Factor of the Revolutionary Wave of 2013-2014: a Cross-Cultural Analysis // *Cross-Cultural Research*. 2015. No. 4. P. 461-488.
7. Akaev A., Korotayev A., Issaev L., Zinkina J. V. Technological development and protest waves: Arab spring as a trigger of the global phase transition? // *Technological Forecasting and Social Change*. 2017. Vol. 116. P. 316-321.
8. Shishkina A., Issaev L., Korotayev A. Egyptian coup of 2013: an ‘econometric’ analysis // *Journal of North African Studies*. 2016. Vol. 21. No. 3. P. 341-356.

9. Issaev L., Zakharov A. *Federalism in the Middle East: State Reconstruction Projects and the Arab Spring*. Springer, 2021.
10. Issaev L., Zakharov A. Dynastic Sacredness: Islam and the Arab Spring in Morocco // *Middle East Policy*. 2022. Vol. 29. No. 3. P. 112-128.

Другие статьи по теме диссертации:

11. Issaev L., Malkov S. Y., Ilyin I. A methodology for analyzing and forecasting sociopolitical destabilization // *BioSystems*. 2020. Vol. 198. No. C. P. 1-8.
12. Issaev L., Zakharov A. Decentralization in Libya after the Arab Spring // *Middle East Policy*. 2020. Vol. 27. No. 1. P. 56-70.
13. Issaev L., Korotayev A. Russia's Policy towards the Middle East: The Case of Yemen // *The International Spectator*. 2020. Vol. 55. No. 3. P. 132-147.
14. Issaev L., Lifintseva T., Shishkina A. Fitnah: The Afterlife of a Religious Term in Recent Political Protest // *Religions*. 2015. No. 6 (2). P. 527-542.
15. Issaev L., Shishkina A. From Fitnah to Thaura: The Metamorphosis of the Arab-Muslim Protest Movements // *Religions*. 2017. Vol. 8. No. 9. P. 1-9.
16. Исаев Л.М., Коротаев А.В. Йемен: неизвестная революция и международный конфликт // *Мировая экономика и международные отношения*. 2015. № 8. С. 71-81.
17. Исаев Л.М., Коротаев А.В. Анатомия египетской контрреволюции // *Мировая экономика и международные отношения*. 2014. № 8. С. 91-100.
18. Исаев Л.М. Саммиты ЛАГ: (не)время для споров // *Азия и Африка сегодня*. 2010. № 9. С. 46-50.

1 Введение

1.1 Актуальность

Настоящее диссертационное исследование направлено на выявление факторов социально-политической дестабилизации в «афразийской» макроне нестабильности. В последние десять лет мир-система испытывает мощный процесс реконфигурации, который очень сильно влияет на состояние обществ афразийской макроне нестабильности (Grinin, Korotayev 2015). Тем более, что он начался в ядре этой макроне с «арабской весны». Вместе с тем, во второй половине 2010-х – начале 2020-х гг. «афразийская» макроне нестабильности и смежные с ней территории демонстрируют едва ли не бóльшую нестабильность, чем в середине 2010-х гг. Число различных дестабилизационных событий в последнее десятилетие было очень велико и охватило большое количество стран от Марокко до Йемена, от Центральной Азии до Сахеля. При этом риски дестабилизации возрастают даже в тех странах, которые казались устойчивыми во время «арабской весны».

Таким образом, актуальность данной темы обусловлена тем, что определение реальных факторов дестабилизации является основой для последующего прогнозирования социально-политической динамики в изучаемой исключительно важной части современного мира. Данные прогнозы послужат базой для формирования представлений о сущности и динамике стратегических политических рисков и угроз.

В научном плане актуальность связана с необходимостью рассматривать процессы социально-политической дестабилизации в динамике, как постоянно меняющийся процесс. Это, в свою очередь, позволит лучше понять не только логику развития политического процесса в «афразийской» макроне нестабильности, но и внесет существенный вклад в развитие такого направления политической науки, как политическое изменение.

1.2 Проблема исследования

Мир-системная периферия, куда входит «афразийская» макрозона нестабильности, в последние годы развивалась столь быстро, что аналитические системы прогнозирования рисков, разработанные на материалах последних десятилетий прошлого века, не успевали адаптироваться к новой реальности. Ни одна из них не смогла, например, в 2010 г. спрогнозировать дестабилизацию в арабских странах, получившую название «арабская весна», революционную волну 2013-2014 гг. (Issaev, Korotayev, Zinkina 2015) или т.н. вторую революционную волну (получившую также метафорическое название «арабская весна 2.0» (Issaev, Korotayev 2022)) и др.

Более того, имевшиеся в распоряжении политической науки на начало XXI века представления о революционном процессе оказались также неспособными предвидеть столь масштабные дестабилизационные процессы, которые наблюдались в 2010-е гг. Доминирующей позицией среди исследователей того времени оставалась уверенность, что в основе революций лежат структурные особенности государств и системы международных отношений (Skocpol 1979). Соответственно, стабильность режимов воспринималась как нормальное и понятное явление. «Арабская весна» и последовавшие за ней события показали несостоятельность подобного рода допущений и актуализировали необходимость разработки новых эффективных систем анализа текущего состояния и прогнозирования социально-политической дестабилизации. Что, в свою очередь, требует отдельного изучения факторов, способствовавших резкому росту социально-политической дестабилизации, начиная с 2010-х гг.

1.3 Теоретико-методологические основания

Как упоминалось выше, долгое время стабильность воспринималось как нормальное состояние, а задача теории сводилась к тому, чтобы выявить «краткий и непротиворечивый список» факторов, подрывающих стабильность (Голдстоун 2006). Однако впоследствии несостоятельность данного подхода казалась все более очевидной. Одних лишь характеристик режима оказалось недостаточно для предсказания социально-политической дестабилизации. Кроме того, структурные условия также не могли объяснить последствия дестабилизации. Складывалось мнение, что «Установление демократии или диктатуры ... характер нового режима, будь он исламский, коммунистические или либеральный, представляются случайными последствиями решений, принятых революционными лидерами, иностранными державами и сторонниками из числа народа, а также взаимодействия между ними» (Aminzade et al 2001). Так, в начале XXI века формировалось «четвертое поколение» теории революций, в рамках которого особое внимание уделялось условиям существования режимов в течение длительного времени, а исходным положением было рассмотрение стабильности как неочевидного явления, учитывающего широкий диапазон факторов и условий, приводящих к подрыву стабильности (Голдстоун 2006).

Таким образом, диссертация во многом основана на теории революций «четвертого поколения», существенный вклад в развитие которой внесли Beck (2011), Nepstad (2011; 2015), Goldstone (2014), Lawson (2019). Ведь изучение процессов социально-политической дестабилизации в странах «афразийской» макрзоны нестабильности происходило именно в рамках теории революций «четвертого поколения».

Для данного направления свойственно: во-первых, рассмотрение гораздо более широкого круга революционных кейсов; во-вторых, попытка объяснить широкий спектр революционных траекторий, включая вооруженные революции, направленные на перераспределение

собственности (Goldstone, 2022), «революции по договоренности» (Lawson, 2019) или насильственные революции; в-третьих, акцентирование внимания на факторах, которые приводят как к стабильности, так и к нестабильности; и, наконец, рассмотрение международных влияний и интервенций как фундаментальных и неотъемлемых, а иногда и определяющих элементов современных революций.

Среди наиболее сильных сторон теории «четвертого поколения» революций можно выделить следующие. 1) Акцентирование особого внимания на внутриэлитных конфликтах, как определяющем революционном факторе (Parsa 2000; Snyder 1998). 2) Выдвижение гипотезы о наибольшей уязвимости именно переходных режимов, нежели последовательно авторитарных или демократических (Albrecht & Koehler 2020; Slinko et al 2017). 3) Выявление роли идеологических, поколенческих и культурных факторов, которые являются движущими силами революции (Foran 2005; Шишкина 2017). 4) Рассмотрение революций не как отдельного явления, а в контексте региональной и глобальной динамики (Гринин 2019; Lawson 2019).

Основная проблема в рамках теории революций «четвертого поколения» заключалась в том, что она оказалась де-факто переходным этапом от «третьего поколения» к «пятому». Колинс Бек в этой связи справедливо отмечает, что исследователи этого поколения революции сосредоточились на критике более ранних работ, но не смогли закрепить новый подход: «Работа над изучением революций была сосредоточена на одном и том же небольшом количестве кейсов, а прогресс в разработке новой теории, похоже, застопорился» (Beck 2018).

Аналогичной точки зрения придерживается и Дж. Голдстоун, который отмечал, что «четвертое поколение» не будет последним словом в теории революции (Goldstone et al 2022). Несмотря на свои очевидные достоинства, относящиеся к этому поколению, теории не брали во внимание столь важные аспекты революций, как, например: роль женщин или гендерных вопросов в

целом (Jayawardena 2016); проблемы расовой и этнической борьбы, рост радикального ислама как глобального революционного движения (Grinin et al. 2019), административно территориальный аспект и др.

Более того, отличительной чертой нового, «пятого поколения» теории революций является акцент на ненасильственных революциях. Так, многие ученые сегодня сходятся в мысли о роли ненасильственного протеста в успехе революции. За последнее время появилось немало работ, где говорится о том, что в целом ненасильственные протесты являются наиболее надежным (правда, не единственным и не всегда эффективным) путем смены режима (Bayer et al. 2016; Celestino & Gleditsch 2013; Kadivar, Caren 2016; Kadivar, Ketchley 2018).

Таким образом, теоретическая рамка диссертации также основывается на идеях, которые в настоящее время используются для разработки теории революций «пятого поколения». Среди таковых следует выделить работы Beissinger (2023), Bayat (2017), Della Porta (2016), Ritter (2015).

Наконец, настоящее исследование основывается на мир-системном подходе в части изучения процессов социально-политической дестабилизации в «афразийской» макроне нестабильности во взаимосвязи с глобальными историческими процессами. Проведенные ранее исследования (Bowlsby et al. 2020; Djuve et al. 2020) показали, что факторы, приводящие к успеху революций, меняются с течением времени, приобретая «форму как циклических паттернов, порождающих революционные волны, так и линейных, при которых определенные революционные процессы затухают, а новые, наоборот, получают свое развитие» (Goldstone, Grinin, Korotayev 2022).

1.4. Эмпирическая база и методы

Исследование опирается на широкую эмпирическую базу, которую условно можно разделить на три группы. Во-первых, статистические данные,

среди которых можно выделить: ключевые индикаторы Всемирного Банка¹ (для оценки уровня социально-экономического развития государств «африканской» макрзоны нестабильности, уровня женской занятости и т.д.); данные Отдела народонаселения ООН² (для оценки демографического развития стран региона); данные *Cross-National Time Series*³ (для оценки уровня протестной активности и внутренних конфликтов); этнографическую базу данных Дж. Мердока⁴ (для оценки распространения ортокузенных браков); данные *Freedom House*⁵ (для оценки типа политического режима); индекс восприятия коррупции *Transparency International*⁶; данные Египетской фондовой биржи⁷ (как одного из индикаторов революционных событий).

Во-вторых, интервью с экспертами и непосредственными участниками революционных событий в странах Ближнего Востока и Северной Африки, представителями оппозиционных групп, а также официальных властей, которые были собраны в ходе регулярных полевых исследований в странах «африканской» макрзоны нестабильности с 2011 г. по настоящее время. В-третьих, данные, полученные в ходе включенного наблюдения, так как автор настоящего диссертационного был свидетелем дестабилизационных процессов в Египте (2011 г.), Йемене (2012, 2014-2015 гг.), Сирии (2011-2018 гг.), Ливане (2017-2018 гг.), Ираке (2019 г.), Мали (2021 г.), Нигере (2021 г.), Буркина-Фасо (2021, 2023 гг.), Иране (2017-2018 гг.) и Афганистане (2015, 2019 гг.).

Для работы над диссертационным исследованием использовался целостный комплекс методов с учетом того, что для выполнения различных задач использовались различные научные методы.

---

¹ World Bank Open Data, <https://data.worldbank.org/>

² UN Population Division Data, <https://www.un.org/development/desa/pd/data-landing-page>

³ Cross-National Time Series Database, <https://www.cntsdata.com/>

⁴ Murdock G.P. Atlas of World Cultures. Pittsburgh, 1981.

⁵ Freedom in the World. <https://freedomhouse.org/report/freedom-world>

⁶ Corruption Perception Index, <https://www.transparency.org/en>

⁷ EGX Indices Data, <https://www.egx.com.eg/>; Trading Economics, <https://tradingeconomics.com/>

Важное место в данном исследовании, как уже отмечалось, отводилось мир-системной теории и, соответственно, мир-системному методу. Сущностной особенностью данного подхода является исследование исторической эволюции систем обществ, а не отдельных социумов. Мир-системный метод особенно важен для современного периода, поскольку взаимосвязанность в мировых процессах постоянно растет, что вызывает как быстрые изменения, так и серьезные сложности и конфликты в случае сбоя в мировых связях. Таким образом, мир-системный метод позволяет увидеть, как преломляются глобальные факторы и причины в процессах конкретных обществ или группы обществ. В частности, как многие причины социально-политической дестабилизации тесно связаны с глобальными и мир-системными процессами и аспектами.

Метод включенного наблюдения, экспертных и глубинных интервью применялся для оценки и анализа дестабилизационных процессов в «афразийской» макроне нестабильности. Исследования в области изучения процессов децентрализации проводились в рамках постколониальных исследований, которые являются мейнстримным подходом при изучении федерализма в незападных обществах. Метод статистического анализа, включая множественное порядковое регрессионное моделирование, использовался для выявления центр-периферийного диссонанса. Лонгитюдный анализ динамики биржевых индексов и золотовалютных резервов применялся для исследования политических процессов в кризисных обществах. Лонгитюдный анализ динамики глобального экономико-технологического роста и протестной активности использовался для выявления перехода протестной активности в качественно новое состояние. Метод коррелирования политических и социокультурных характеристик применялся для выявления параметров «афразийской» макроне нестабильности. Качественный контент-анализ использовался для выявления

роли региональных и глобальных акторов в процессах социально-политической дестабилизации в «афразийской» макроне нестабильности.

1.5. Теоретическая значимость

Теоретическая значимость настоящей диссертации определяется ее вкладом в переосмысление теории революций «четвертого поколения» и формировании основ «пятого поколения» теории революций. В этих целях предпринята попытка систематизировать накопленный опыт в области оценки и прогнозирования рисков социально-политической дестабилизации. В ходе изучения событий «арабской весны», а затем и событий т.н. второй революционной волны на Ближнем Востоке и Северной Африке конца 2010-х гг. стало ясно, что теория революций «четвертого поколения» не будет последним словом в теории революции. Несмотря на свои очевидные достоинства, относящиеся к этому поколению, теории не брали во внимание столь важные аспекты революций, как роль женщин или гендерных вопросов в целом; проблемы расовой и этнической борьбы, рост радикального ислама как глобального революционного движения и административно-территориальный аспект, который сыграл важнейшую роль в рассматриваемых революционных процессах. Кроме того, в XXI веке изменился сам характер революционных процессов, которые стали приобретать преимущественно невооруженный характер.

Можно утверждать, что теоретическая значимость данной работы заключается в формировании в рамках политической науки направления в области изучения процессов социально-политической дестабилизации в модернизирующихся странах. Диссертация вносит существенный вклад и в развитие методических основ изучения революционных процессов, а также оценки текущего состояния устойчивости социально-политических систем «афразийской» макроне нестабильности.

1.6. Практическая значимость

Практическая значимость работы связана с возможностью использования ее результатов и выводов для выявления особенностей революционного процесса в странах «афразийской» макрзоны нестабильности для принятия превентивных мер, препятствующих ухудшению ситуации. Это, в свою очередь, может послужить основой для выработки практических рекомендаций относительно инструментов и методов обеспечения национальных интересов России в странах Азии и Африки с учетом глобальных вызовов развития «афразийской» зоны нестабильности. Результаты исследования используются в преподавании дисциплин «Современные революции в зарубежных странах», «Исламская политическая культура», «Внешняя политика России и урегулирование конфликтов» и «Россия и Ближний Восток» студентам образовательной программы бакалавриата и магистратуры в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики». Результаты исследования легли в основу двух учебных пособий для студентов вузов: «Методика моделирования и прогнозирования рисков социально-политической дестабилизации» и «Политические процессы в странах Ближнего и Среднего Востока».

1.7. Положения, выносимые на защиту

1. Есть все основания рассматривать «афразийскую» зону нестабильности, как единое пространство, которое достаточно тесно коррелирует с территорией Омейядского халифата, традиционного распространения ортокузенных браков, а также с зоной крайне низкой экономической активности женщин. Тем самым в этой зоне созданы условия для формирования более высокого уровня фрустрации среди молодежи, как наиболее склонной к радикальным действиям части общества.

2. На основе анализа революционной волны 2013-2014 гг. в «афразийской» зоне нестабильности было выявлено, что важным фактором социально-политической дестабилизации выступал т.н. центр-периферийный диссонанс. Возникновение этого фактора характерно для развивающихся обществ и обусловлено неоднородностью и асинхронностью модернизационных процессов, когда столицы почти всегда модернизируются быстрее, чем периферия. В 2010-х гг. наличие «центр-периферийного диссонанса» оказалось сильным предиктором не только относительно бескровных процессов невооруженной революционной дестабилизации, но и кровавых гражданских войн в изучаемой зоне.

3. В 2011–2012 гг. мир-система в определенной мере пережила переход к качественно новому состоянию глобальной протестной активности. Переход начала 2010-х гг. был подготовлен новой волной роста глобальной информационной связности, а также совершенствованием средств протестной самоорганизации за счет распространения новых технологий: Интернета, спутникового телевидения, социальных сетей, мобильной связи и т.д.

4. Определяющую роль в процессах социально-политической дестабилизации в странах «афразийской» макрозоны нестабильности сыграло наличие внутриэлитного раскола. На примере революционных событий в Египте в первой половине 2010-х гг. показано, что данный фактор сыграл ключевую роль в революции 2011 г., а также военном перевороте 2013 г. Успех революции 2011 г. был обусловлен расколом внутри египетской политической элиты на «старую» (военную) гвардию и «молодых» политиков, объединившихся вокруг сторонников сына президента Хосни Мубарака Гамалея. В свою очередь, государственный переворот 2013 г. в значительной степени был подготовлен примирением между египетской экономической и военной элитами, объединившихся для свержения власти исламистов.

5. Не разрешавшаяся на протяжении десятилетий проблема перераспределения власти между центральной властью и регионами стала одним из важнейших факторов дестабилизации в регионе. Исторически оказавшиеся сложносоставными и разнообразными такие государства региона, как Ирак, Йемен, Ливия, Сирия всегда были предрасположены к децентрализации из-за крайней неоднородности своего политического пространства, лишённого единства культуры, религии, языка, этнического субстрата. Но эта потребность в присущем федерализму сочетании самоуправления и разделённого правления (*self-rule* и *shared-rule*) десятилетиями не удовлетворялась, поскольку интенсивное строительство nation-state, сразу же охватившее постколониальные общества, жестко вытесняло федеративные проекты на задний план.

6. На примере протестов в Марокко и Иордании в 2010-е гг. показана стабилизирующая роль монархических институтов, что во многом связано с морально-юридическим превосходством престола над любой оппозицией. Также показано, что марокканский (а также иорданский) опыт свидетельствует о наличии в руках монархов дополнительных инструментов стабилизации, а не использовании ими религиозного статуса, среди которых важную роль играет т.н. политика «бюрократизации» ислама – целенаправленное использование религиозных ритуалов и институтов для упрочения собственной власти.

7. На примере изучения военного переворота в Египте 2013 г. показано, что важным дестабилизирующим фактором в регионе стало формирование новых региональных альянсов. В то же самое время, существующие региональные институты (прежде всего, Лига арабских государств) не смогли выступить в качестве стабилизирующего фактора в регионе.

1.8. Научная новизна

Научная новизна диссертации заключается в выявлении особенностей и факторов социально-политической дестабилизации в «афразийской» макроне нестабильности.

1. Впервые введено в научный оборот и концептуализировано понятие «афразийской» макроне нестабильности. В частности, личный вклад автора состоял в выработке гипотезы о наличии цивилизационной основы для формирования «афразийской» макроне нестабильности и дальнейшем подробном описании каждой из зон.

2. Выявлен феномен центр-периферийного диссонанса и показана его роль в процессах социально-политической дестабилизации в данной макроне. В частности, личный вклад автора состоял в усовершенствовании методологического инструментария, предложенного Дж. Голдстоуном и позволяющего более точно описывать дестабилизационные процессы в «афразийской» макроне нестабильности.

3. Выявлена роль событий «арабской весны» как триггера глобальной протестной волны начала 2010-х гг. В частности, личный вклад автора состоял в сборе эмпирических данных, на основе которых удалось выявить ключевую роль глобальной информационной связанности и совершенствования средств протестной самоорганизации в переходе мир-системы в качественно новое состояние протестной активности.

4. Определен потенциал децентрализации как возможного фактора противодействия дестабилизационным процессам в «афразийской» макроне нестабильности. В частности, личный вклад автора заключался в том, что впервые в отечественной и зарубежной литературе была собрана обширная база данных по федеративным и децентрационным проектам в странах Ближнего Востока и Северной Африки после «арабской весны».

5. Показано, что важным дестабилизирующим фактором в регионе стало формирование новых региональных альянсов.

6. Раскрыта роль внешних акторов и их влияние на процессы социально-политической дестабилизации в «афразийской» макроне нестабильности.

7. Выявлено значение внутриэлитного раскола как важнейшего фактора социально-политической дестабилизации в рассматриваемой макроне. В частности, личный вклад автора состоял в разработке на примере событий в Египте в 2011 и 2013 гг. методики выявления внутриэлитного раскола.

8. Подтверждено стабилизирующее влияние монархических институтов в «афразийской» макроне нестабильности. В частности, личный вклад автора состоял в осуществлении историографического обзора исламских положений о государстве и власти, по результатам которого был сделан вывод о наличии в исламской политической культуре сдержек и противовесов, которые ограничивали власть правителей.

1.9. Апробация

Основные результаты исследования по теме диссертации были представлены в виде более чем 50 устных докладов на международных конференциях в России и за рубежом, включая: Annual Meeting of the Society of Cross-Cultural Research, IPSA World Congress, ISA World Congress, Annual Conference of African Econometric Society, Международный конгресс Российского общества социологов, Международная конференция африканистов, Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки. Кроме того, итоги исследования были апробированы в рамках выступлений на научных мероприятиях, организованных Qatar University, Georgetown University in Qatar, Geneva Center for Security Policy, Finnish Institute of International Affairs, University of Shahid Beheshti in Tehran, TOBB University in Ankara, The Institute for National Security Studies in Israel.

Исследования по теме диссертации были поддержаны Российским научным фондом (грант 14-18-03615, 2014-2018; 14-11-00634, 2014-2018; 18-18-00254, 2018-2022; 19-18-00155, 2019-2023; 21-18-00123, 2021-2023), Российским фондом фундаментальных исследований (грант 17-06-00476,

2017-2019) и Программой фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (2014-2023).

2. Формирование «афразийской» макрзоны нестабильности

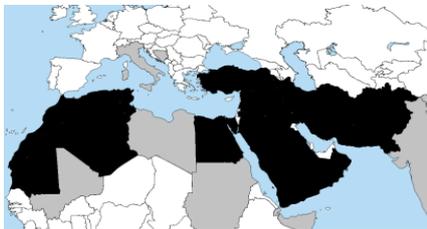
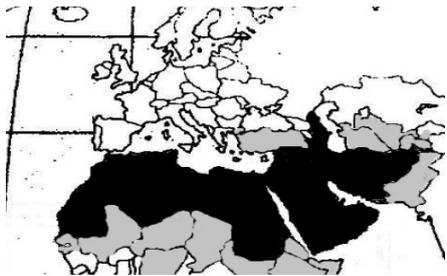
Статья, выбранная для защиты: Korotayev A., Issaev L., Shishkina A., Rudenko M. A., Ivanov Y. Afrasian Instability Zone and Its Historical Background // *Social Evolution & History*. 2016. Vol. 15. No. 2. P. 120-140.

В современной мир-системе можно выделить целый ряд крупных зон нестабильности. В предыдущих исследованиях были выделены пять главных зон нестабильности, которые условно можно обозначить как: центральноазиатскую (включающую, помимо Средней Азии, Афганистан и Пакистан), ближневосточную, североафриканскую, регион Сахеля и тихоокеанскую (см. прежде всего: Труевцев 2014). При этом последняя явно выделяется из общего списка, распространяясь исключительно вдоль границ Китайской Народной Республики и являясь скорее следствием китайских внешнеполитических приоритетов и амбиций. Что же касается четырех остальных зон, то они в совокупности представляют собой макрзону, которую можно представить как единую непрерывную «афразийскую» макрзону нестабильности. Очевидно, что эта макрзона в настоящее время является основной в мир-системе областью концентрации внутренней социально-политической напряженности. Мир за пределами этой макрзоны выглядит сейчас намного более спокойным (Korotayev, Issaev, Shishkina, Rudenko, Ivanov 2016).

«Афразийская» макрзона нестабильности почти идеально совпадает с зоной распространения ортокузенного брака, Омейядского халифата, а также с зоной сверхнизкой доли экономически активных женщин (Рис. 1). Чем же объясняется столь тесная корреляция? Почему, например, границы зоны традиционного распространения ортокузенного брака столь близки к границам Омейядского халифата? С одной стороны, трудно отрицать

наличие определенной функциональной связи между исламом и ортокузенным браком. В самом деле, подобная форма брака оказывается высоко адаптивной именно в традиционном исламском контексте (см., например: Rosenfeld 1957).

Рис. 1. Традиционная зона распространности ортокузенного брака, территория Омеййадского халифата, зона сверхнизкой женской занятости и Афразийская макрizona нестабильности в сопоставлении.

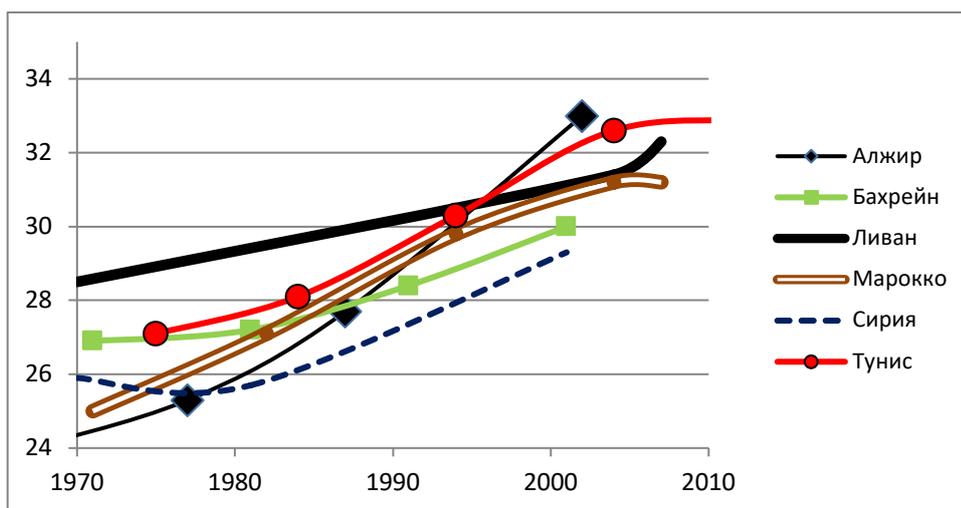
«Афразийская» зона нестабильности	Страны с наименьшей долей экономически активных женщин
	
Традиционная зона распространности ортокузенного брака	Территория Омеййадского халифата (на 750 г.)
	

В нашем случае ортокузенный брак выступает, по сути, неплохим маркером принадлежности к арабо-исламской цивилизации. При этом имеются основания предполагать, что какие-то характеристики этой цивилизации в современных условиях оказались способствующими социально-политической дестабилизации. Здесь мы остановимся лишь на

некоторых из таких характеристик (см., например: Коротаев, Мещерина, Слинко и др. 2019).

Одной из них можно считать сочетание жестких запретов на внебрачные половые связи с целым набором брачно-семейных обычаев, которые в условиях модернизации привели к резкому росту возраста вступления в брак – в особенности для мужчин (см., например: Rashad, Osman, Roudi-Fahimi 2005: 6; Marks 2011a: 5, 25; Marks 2011b; Puschmann, Matthijs 2012: 15, 19). В последние десятилетия модернизация вела к росту возраста вступления в брак повсеместно, но в арабском мире это явление приняло среди мужчин особо выраженный вид (Рис. 2).

Рис. 2. Динамика среднего возраста первого вступления в брак (лет) у мужчин некоторых арабских стран накануне «арабской весны».

Источник данных: UN Population Division 2020.

Одной из основных причин повсеместного повышения нижней планки брачного возраста является то, что молодые люди все чаще не могут заключить помолвку из-за финансовых трудностей. За последние десятилетия свадьба в исламских странах стала особенно затратной как для жениха, так и для невесты и ее семьи. Жених должен выплатить *махр*⁸ и взять

⁸ Сам термин *махр* в мусульманском семейном праве употребляется для обозначения имущества, выделяемого мужем жене при заключении равноправного брака (*завадж*). Уплата махра является главным условием такого брака и рассматривается как плата жене за брачные отношения. В этом контексте

на себя обязательства по полному финансовому обеспечению супруги и детей, при этом размер как официального *махра*, так и неофициального *кальма* (плата женихом за невесту ее родителям) в последние десятилетия колоссально вырос (Toros, 1975: 3).

Модернизация в странах Ближнего Востока способствовала этому процессу самыми разными способами, в том числе и довольно неожиданными. Так, росту стоимости заключения первого брака для мужчин, а, значит, и все большему его откладыванию, парадоксальным образом способствовал наблюдавшийся в странах Ближнего Востока и Северной Африки в последние десятилетия стремительный рост охвата женщин высшим образованием. И дело здесь во многом в том, что стремительный рост охвата женщин высшим образованием не сопровождался сколько-нибудь сопоставимым ростом женской занятости. Если доля женщин студенческого возраста, получающих высшее образование, выросла в странах Ближнего Востока и Северной Африки за последние 15 лет почти в два раза, то доля экономически активных женщин в общей численности женщин трудоспособного возраста увеличилась лишь на доли процента. При этом во многих странах региона доля женщин студенческого возраста, получающих высшее образование, сейчас в разы превышает долю экономически активных женщин в общей численности женщин трудоспособного возраста (Korotayev, Issaev, Shishkina, Rudenko, Ivanov 2016).

стоит отметить, что численность экономически активных женщин включает в себя не только работающих женщин, но и женщин, активно работу ищущих, из чего вытекает, что во многих странах Ближнего Востока и Северной Африки большинство получивших высшее образование женщин не только не работают, но и не ищут работу. Зато получение высшего образования формирует повышенное представление как у невесты, так и у ее родителей о том, что из себя представляет достойный уровень ее содержания

махром может быть абсолютно все, что имеет какую-либо стоимость и на что может быть распространено право собственности (см., например: Боголюбов 1991: 164).

мужем, что еще больше повышает финансово-экономическую планку для потенциального жениха и все больше откладывает его вступление в брак (Korotayev, Issaev, Shishkina, Rudenko, Ivanov 2016).

Таким образом, чтобы свадьба состоялась, нужна все более значительная сумма денег, и мужчина, ответственный за выплату большей части этой суммы, должен упорно трудиться, чтобы заработать ее. Многие молодые люди после заключения соглашения о помолвке уезжают на несколько лет работать в одну из нефтедобывающих арабских стран, чтобы накопить денег. В среднем, до 30 лет рядовой араб-мусульманин не может позволить себе жениться, поскольку он сначала должен найти работу с жалованьем, достаточным для содержания жены и детей, приобретения автомобиля, постройки дома или покупки квартиры, мебели, и, наконец, иметь сумму для уплаты махра за невесту и дорогого свадебного подарка для нее (Шмелева 2003: 67–71).

В этой связи крайне актуальным выглядит тот факт, что неженатые мужчины значительно более склонны к радикализму и экстремистским политическим действиям (вплоть до прямого терроризма), чем женатые мужчины аналогичного возраста, что было показано с использованием прямых эмпирических данных по Египту (см.: Marks 2011a: 9–17). Таким образом, наблюдавшийся в последние десятилетия в большинстве арабских стран значительный рост среднего возраста вступления в брак среди мужчин можно считать значимым фактором социально-политической дестабилизации в этой части земного шара (Korotayev, Issaev, Shishkina, Rudenko, Ivanov 2016).

«Увеличение возраста вступления в брак становится источником фрустрации... Брак остался одной из главнейших целей молодых людей в арабском мире, и хотя нынешнее поколение молодежи инвестировало больше времени, энергии и денег в образование, чем предыдущие, доступ к браку стал более затрудненным, поскольку сейчас для удовлетворения

экономических требований вступления в брак требуется значительно больше времени... Имеется несколько исследований, которые подтверждают, что насилие и социальная неустроенность выше среди (молодых) неженатых мужчин (Courtwright 1998; Daly, Wilson 1990; Sampson, Laub, Wimer 2006). Мириам Маркс даже нашла прямые эмпирические доказательства того, что неженатые мужчины в Египте в большей степени готовы проявлять высокорискованную политическую активность, чем женатые (Marks 2011a)... Есть достаточно оснований для того, чтобы добавить изменения брачности к числу важнейших факторов генезиса «арабской весны», так как вышерассмотренные изменения брачности вызывают фрустрацию, психологические проблемы и конфликты внутри арабского общества. Все это склоняет людей к протестам и бунтам. Более того, рост числа неженатых мужчин... повышает количество тех, кто готов принять участие в высокорискованных политических действиях» (Puschmann, Matthijs 2012: 39).

Необходимо отметить, что распространенная в странах арабо-мусульманской цивилизации установка на то, что жених при вступлении в брак должен взять на себя обязательства по полному финансовому обеспечению супруги и детей, коррелирует и с откладыванием заключения брака мужчинами (до достижения ими соответствующего уровня экономического благополучия), и с ростом политического насилия (в силу действия вышеописанных механизмов, в особенности на фоне столь характерного для стран арабо-мусульманской цивилизации эффективного запрета на добрачные сексуальные отношения) (Korotayev, Issaev, Shishkina, Rudenko, Ivanov 2016). Это, кстати, по всей видимости, и объясняет выше упоминавшуюся давно обнаруженную (Robinson *et al.* 2006) статистически значимую корреляцию между низким уровнем экономической активности женщин/женской занятости и высоким уровнем террористической активности.

3. «Арабская весна» как триггер глобальной протестной активности

Статья, выбранная для защиты: Akaev A., Korotayev A., Issaev L., Zinkina J. V. Technological development and protest waves: Arab spring as a trigger of the global phase transition? // *Technological Forecasting and Social Change*. 2017. Vol. 116. P. 316-321.

В 2011 г. всю планету охватила необычайно мощная протестная волна. Основная часть протестов 2011 г. пришлась на Ближний Восток и Северную Африку, в особенности на арабские страны. Несмотря на то что в Алжире протесты начались раньше, чем в Тунисе, описание «арабской весны» принято начинать с 17 декабря 2010 г., когда молодой безработный М. Буазизи совершил самоожжение в провинциальном тунисском городке Сиди-Бузиде. Это событие запустило в Тунисе нарастающую волну протестов, закончившуюся неожиданно быстрым крушением режима З. Бен Али в результате обнаружившегося внутриэлитного конфликта между непривилегированной армией и привилегированными силами безопасности, которые находились под особой опекой президента (см., например: Nerstad 2011). В результате армия встала на сторону протестующих, что привело к быстрому падению авторитарного режима в Тунисе. Это удивительно быстрое (и довольно бескровное) падение авторитарного режима З. Бен Али подтолкнуло светских лидеров молодежных движений в Египте и некоторых других арабских государствах попытаться организовать (при помощи широкого использования социальных сетей) масштабные акции протеста в своих странах (Akaev, Korotayev, Issaev, Zinkina 2017).

В результате значительного внутреннего напряжения в Египте (см.: Гринин, Исаев, Коротаев 2015) протесты привели к падению режима Х. Мубарака. Все это подняло волну дестабилизации во всем арабском мире (признаки которой, однако, были заметны уже непосредственно после быстрой победы тунисской революции). Масштаб дестабилизации в конкретных странах зависел прежде всего от того, насколько там присутствовали соответствующие для нее условия, такие как внутренний

конфликт среди элиты, режим непоследовательно авторитарного типа, наличие непривилегированных категорий населения (за исключением трудовых мигрантов), высокая безработица среди молодежи (особенно молодых с высшим образованием) и т. д. (см., например: Васильев 2011; Beck 2014; Lang, Sterck 2014; Beissinger et al. 2015). В некоторых случаях (особенно в Ливии и Сирии) важную роль сыграли внешние дестабилизирующие воздействия.

Тем не менее весь остальной мир также испытал под влиянием «арабской весны» нетривиальный всплеск социально-политической дестабилизации; здесь можно, например, вспомнить многочисленные движения “Оссиру...”, от «Оккупай Уолл-стрит» до «Оккупай Абай». Для того чтобы лучше представить всю глобальность протестного движения “Оссиру...” в 2011–2012 гг. (Акаев, Korotayev, Issaev, Zinkina 2017), можно вспомнить, что протестные акции этого типа наблюдались в США (Нью-Йорк, Детройт, Гарвардский университет и т. д.), Великобритании (Лондон, Эдинбург, Глазго и т. д.), Германии (Берлин и некоторые другие крупные города), Норвегии (Осло), в многочисленных городах Канады, в Малайзии (Куала-Лумпур), Австралии (Мельбурн и Сидней), Новой Зеландии (Окленд и другие города), Непале (Катманду), на Кипре, в Гане (Аккра), Нигерии (Кано, Лагос, Абуджа), Исландии (Рейкьявик), Южной Африке (Йоханнесбург и Кейптаун), Японии, России и т. д. Также следует упомянуть и глобальные протесты 15 октября 2011 г., в которых приняли участие представители десятков стран мира. В дополнение к вышеупомянутым протестам “Оссиру...” можно вспомнить крупные протесты 2011 г. в Испании, Португалии, Греции, Италии, Ирландии, Албании, Македонии, Болгарии, Грузии, Армении, Азербайджане, Белоруссии, Мексике, Боливии, Чили, Буркина-Фасо, Малави, Китае, Индии, на Мальдивских островах, в Шри-Ланке, Иране и т. д. (см: Breau 2014; Danjibo 2013; Erdogan 2013; Kerton 2012; Mushtaq 2014).

Волна протестов продолжилась и в 2012 г. Уже в феврале в ходе затянувшегося политического кризиса ушел в отставку президент Мальдив М. Нашид. В это же время берет свое начало сопротивление в Сирийском Курдистане, связанное с формированием Курдского верховного совета, ставшего де-факто правительством этого региона. В 2012 г. уходят своими корнями и антиправительственные демонстрации в Румынии, продолжавшиеся вплоть до 2015 г. Также серьезные дестабилизационные процессы затронули некоторые страны Африки, такие как Центрально-Африканская Республика, Демократическая Республика Конго и Мали, где в январе 2012 г. вспыхнуло туарегское восстание, ставшее прямым следствием ливийского кризиса, в ходе которого повстанцами была взята под контроль вся северная часть страны (см.: Besenyu 2013; Kumar 2016; Weyns et al. 2014).

2013–2014 гг. характеризовались очередной волной антиправительственных выступлений (см.: Korotayev, Issaev, Zinkina 2015). Среди них прежде всего следует выделить мощную волну антиправительственных выступлений в Египте (закончившуюся там военным переворотом, стоившим президентского кресла законно избранному М. Мурси), протесты вокруг парка Таксим-Гези в Стамбуле, Анкаре, протесты в Тунисе против правительства, контролируемого умеренным исламистским движением «ан-Нахда», Евромайдан на Украине против президента Виктора Януковича и Партии регионов, испытавший в высокой степени влияние со стороны антиправительственных демонстраций в арабских странах в 2011 г. (см.: Lifintseva, Issaev, Shishkina 2015). Еще одним государством на постсоветском пространстве, охваченным протестами, оказалась Абхазия. Менее чем за неделю протестующим в Сухуми удалось добиться роспуска Кабинета министров и отставки президента А. Анкваба. Протестами также были охвачены столицы Венесуэлы, Боснии и Герцеговины, а также Таиланда (см.: Krastev 2014; Nguyen et al. 2014; Sagarzazu 2014). Еще одним ярким отголоском «арабской весны» принято считать и так называемую

«революцию зонтиков» в Гонконге в конце 2014 – начале 2015 г., направленную против избирательной реформы, инициированной китайским правительством (Акаев, Korotayev, Issaev, Zinkina 2017).

Нестабильность нарастала и в Африке южнее Сахары (см.: Ortmann 2015). При этом события «арабской весны», приведшие к росту политической нестабильности в регионе Ближнего Востока и Северной Африки, спровоцировали обострение уже существовавших ранее конфликтов. Примером этого может служить политический кризис в одном из самых молодых государств мира – Южном Судане – в 2013 г., что впоследствии вылилось в полноценную гражданскую войну между двумя этническими группами: нуэрами и динка (см.: Koos, Gutschke 2014).

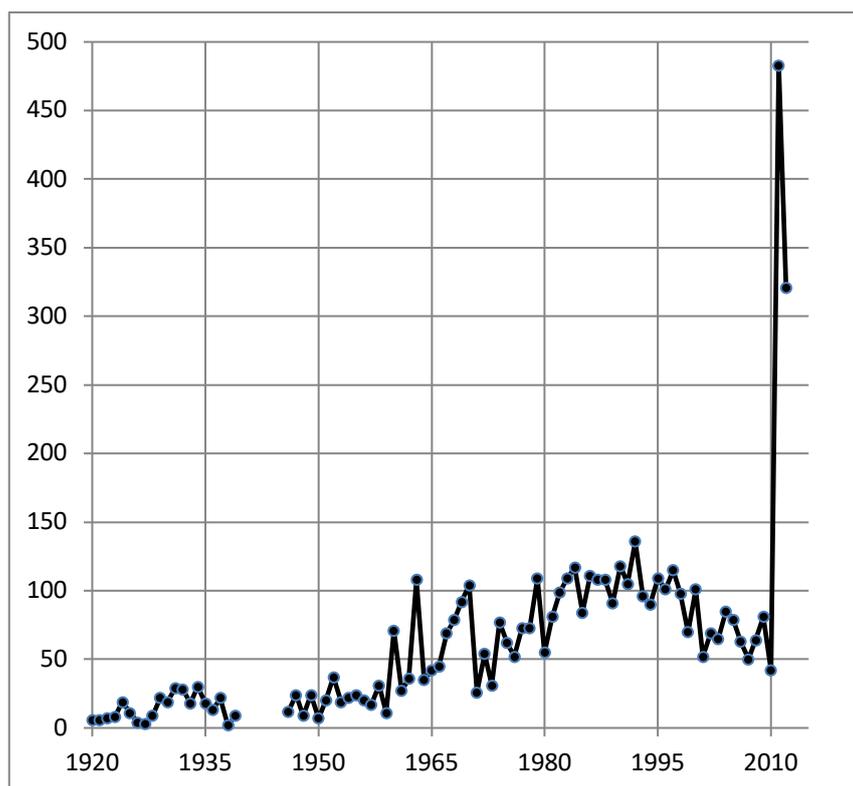
Заметно обострилась ситуация и в некоторых странах, пострадавших от событий «арабской весны». Так, в 2014 г. в Ливии вновь разразился гражданский конфликт, который в конечном счете привел к срыву процесса национального примирения и установлению фактического троевластия (см.: Турьинская 2015). Очередной политический кризис в 2014 г. случился в Йемене, где вновь актуализировались традиционные для страны проблемы севера и юга (Серебров 2015), а также произошла Хуситская революция сентября 2014 г. по модели «наступления с периферии». В ее результате в сентябре 2014 г. власть в Санае захватило движение «Ансар Аллах», что привело в 2015 г. к бегству из страны президента М. Хади в Эр-Рияд и началу военной интервенции со стороны коалиции во главе с Саудовской Аравией (Акаев, Korotayev, Issaev, Zinkina 2017).

Наконец, следствием «арабской весны» стало появление на территории Сирии и Ирака «Исламского государства» (ИГ), формирование которого явилось результатом целого ряда социально-экономических и этноконфессиональных проблем, стоявших на повестке дня вышеуказанных стран Ближнего Востока на фоне резкого ослабления сирийской государственности (см.: Вайс, Хасан 2016). Однако деятельность ИГ далеко

не ограничилась территориями Сирии и Ирака – на верность ей присягнули террористические группировки как в арабском мире (Ливия, Йемен, Тунис, Алжир, Иордания), так и за его пределами (Нигерия, Мали, Россия, Афганистан, Пакистан, Филиппины) (см., например: Jalalzai 2015; Lefevre 2014).

Однако оценить истинный масштаб необычности событий «арабской весны» и ее глобального «эха» – невозможно без привлечения количественных эмпирических данных. Понять мировой масштаб этих событий может нижеследующий график (см. Рис. 3).

Рис. 3. Динамика общего числа крупных антиправительственных демонстраций, зафиксированных в мире за год в базе данных CNTS, (1920–2012 гг.)

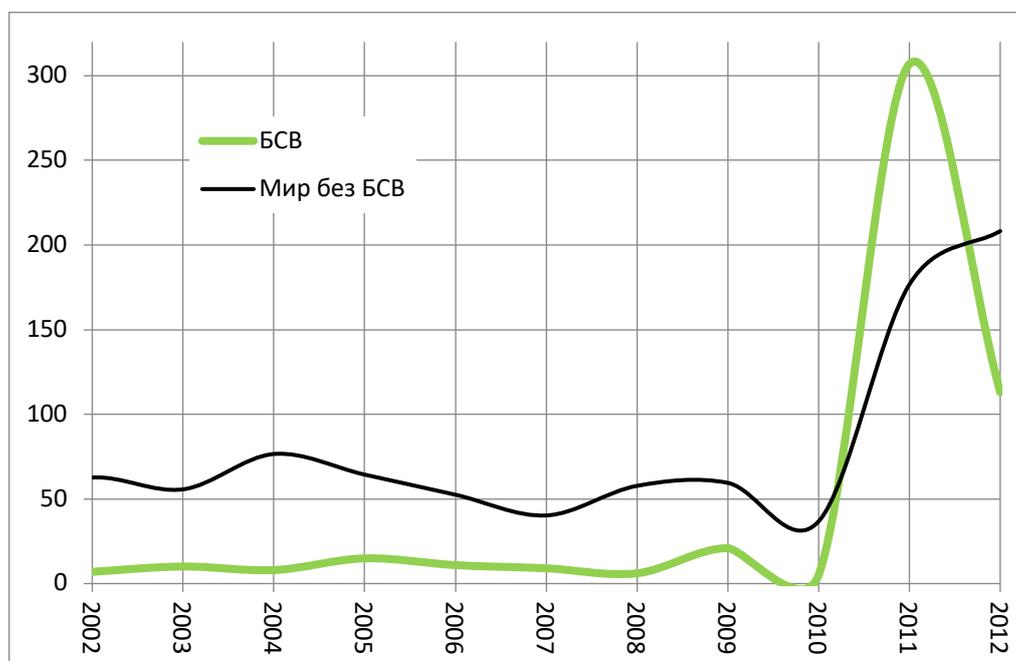

Источник: CNTS 2015.

При этом бóльшую часть действительно необычного всплеска протестной активности 2011 г. дал именно Ближний и Средний Восток (и в особенности арабские страны), но и в остальном мире (под прямым влиянием «арабской

весны») произошел нетривиальный подъем протестной активности (см. Рис. 4).

Рис. 4. Динамика общего числа крупных антиправительственных демонстраций, зафиксированных на Ближнем и Среднем Востоке и в остальном мире за год в базе данных CNTS, (1920–2012 гг.)

Источник: CNTS 2015.

Как мы видим, на Ближнем и Среднем Востоке в 2011 г. наблюдался невероятный (на два порядка) рост уровня протестной активности, но и в остальном мире этот рост был в 2011–2012 гг. хоть и не столь масштабным, но тоже нетривиальным – там уровень протестной активности подскочил почти на порядок (Акаев, Korotayev, Issaev, Zinkina 2017).

Таким образом, имеются основания предполагать, что в 2011–2012 гг. мир-система испытала в некотором отношении переход в качественно новое состояние (обозначим его как *переход В*). При этом данный фазовый переход чем-то напоминает аналогичный переход начала 1960-х гг. (обозначим его как *переход А*).

На рис. 3 *переход А* забивается масштабом *перехода В*, поэтому имеет смысл представить этот график в логарифмическом масштабе (см. Рис. 5).

Рис. 5. Динамика общего числа крупных антиправительственных демонстраций, зафиксированных в мире за год в базе данных CNTS, (1920–2012 гг.), логарифмический масштаб

Первый (после 1919 г.) *переход А* произошел в начале 1960-х гг. и был связан с произошедшим после Второй мировой войны ростом глобальной информационной связности и совершенствованием средств протестной самоорганизации, обусловленным распространением телевидения, портативных транзисторных радиоприемников, мегафонов и других технологий. Так, послевоенный период и, в частности, 1950-е гг., ознаменовались рядом существенных трансформаций в сфере производства, распространения и восприятия информации. В этот период обозначилась тенденция к развитию индустрии персональных компьютеров: в 1947 г. был изобретен биполярный транзистор, а к 1955 г. транзисторы заменили вакуумные трубки в компьютерных конструкциях, что означало появление «второго поколения» компьютеров (Акаев, Коротаев, Issaev, Zinkina 2017). Транзисторы обладали целым рядом преимуществ по сравнению с вакуумными трубками: они были меньше по размеру, требовали меньше

энергии, выделяли меньше тепла, были более надежными и срок их службы был больше (см., например: Lavington 1998).

Важные изменения коснулись и радиовещания. В 1954 г. компания Regency представила карманный транзисторный радиоприемник, TR-1, питание которого осуществлялось от стандартной батарейки, а в 1955 г. новоиспеченная компания Sony представила своей первый транзисторный радиоприемник – прочный и достаточно компактный, чтобы поместиться в кармане (Transistor Radios 1999). Профессор Школы журналистики и медиа исследований Н. Арсено, размышляя о коммуникативности портативных средств связи, выделяет концепт взаимодействия между людьми и понятие включения, вовлечения. Он полагает, что к транзисторным приемникам может быть применено понятие индивидуальности, что означает возможность персонализации устройства и его модификации в соответствии с пожеланиями пользователя (Akaev, Korotayev, Issaev, Zinkina 2017).

Что касается связи между мобильным оборудованием и коммуникационной инфраструктурой, то в случае с портативными радиоприемниками это выразилось в их возможности принимать сигналы с удаленных вышек и, таким образом, объединять пользователей различных местностей, удаленных друг от друга географически (Arceneaux 2014). Кроме того, радиоприемники предыдущей конфигурации в большинстве своем являлись стационарными объектами, располагавшимися в жилых помещениях или общественных местах, где их использование не могло остаться незамеченным. Портативные же устройства, позволяющие любому пользователю слушать то, что он хочет, выглядели как бунт против представителей власти, привыкших контролировать традиционные каналы информации, выход из-под их контроля и отрицание их главенствующей роли в этих процессах (Akaev, Korotayev, Issaev, Zinkina 2017).

И хотя глобальная информационная связность нарастала все 1950-е гг., рост протестной активности произошёл не плавно, а скачкообразно в самом начале 1960-х гг. Если до *перехода* А CNTS фиксирует по 20-30 крупных

антиправительственных демонстраций в год, то в начале 1960-х гг. этот уровень подскакивает к сотне. Затем в 1964–1966 гг. (но особенно после пика конца 1960-х – в 1971–1973 гг.) следует ощутимый спад; однако к 1980-м гг. тот уровень глобальной протестной активности, который в начале 1960-х гг. казался аномальным, становится уже вполне нормальным (Акаев, Korotayev, Issaev, Zinkina 2017).

В последние 20 лет перед «арабской весной» наблюдалась выраженная тенденция к спаду глобальной протестной активности, и в 2010 г. она была самой низкой с середины 1970-х гг. Но даже в 2010 г. она была выше, чем что бы то ни было, зафиксированное в CNTS до 1960 г.

Переход В был подготовлен новой волной роста глобальной информационной связности и совершенствования средств протестной самоорганизации, обусловленной распространением коммуникационных технологий (Интернет, спутниковое телевидение, твиттер, мобильная телефония, социальные сети и т.п.). И снова, хотя распространение этих технологий шло в течение долгих лет до 2011 г., заложенный в них колоссальный потенциал для генерирования и распространения протестной активности реализовался скачкообразно (Акаев, Korotayev, Issaev, Zinkina 2017).

4. Центр-периферийный диссонанс как фактор социально-политической дестабилизации

Статья, выбранная для защиты: Issaev L., Korotayev A., Zinkina J. V. Center-Periphery Dissonance as a Possible Factor of the Revolutionary Wave of 2013-2014: a Cross-Cultural Analysis // *Cross-Cultural Research*. 2015. No. 4. P. 461-488.

В 2013–2014 гг. мир столкнулся с новой довольно слабой (но при этом и своеобразной) революционной волной. Волна протестов в Каире, Киеве и Бангкоке привели к падению режимов (в первом и третьем случае при прямом участии военных); волны протестов в Тунисе, Каракасе, Стамбуле –

Анкаре и Сараево бросили серьёзный вызов соответствующим режимам, но не привели к их актуальному свержению. Дестабилизационная волна 2013–2014 гг. представляет разительный контраст со странами «арабской весны», так как все антирежимные выступления здесь были направлены против демократически избранных властей. Действительно, практически все попытки (иногда успешные) свержения режимов во время «арабской весны» были направлены против авторитарных властей, а в то же время в немногочисленных неконсолидированных арабских демократиях (Ливане, Палестинской Автономии и Ираке) скоплений людей, вышедших на улицу под лозунгом «*Аш-Ша`б йурид искат ан-низам!*» («Народ хочет падения режима!»), практически не было (Issaev, Korotayev, Zinkina 2017).

Вместе с тем нельзя не отметить определенной логической связи между двумя этими волнами. Действительно, первая волна обрушила большинство из имевшихся на тот момент в мире неустойчивых авторитарных режимов, оставив на их месте в ряде случаев неустойчивые неконсолидированные демократии, и добавив «горючего материала» к новой дестабилизационной волне, прошедшейся уже по неконсолидированным демократиям (Issaev, Korotayev, Zinkina 2017).

Кроме того, следует отметить, что еще одной общей характеристикой событий революционной волны 2013–2014 гг. является то, что все они относятся к типу «центрального коллапса». Дж. Голдстоун выделяет два основных типа революционной дестабилизации. Во-первых, «наступление с периферии». Этот тип революционной дестабилизации описывается следующим образом. «В случае наступления с периферии разложение старого режима изначально находится не на самой продвинутой фазе. Однако группа представителей элиты, стремящихся к свержению правительства, оказывается способной укрепиться в одной из частей страны, обычно в гористой или лесистой местности, удаленной от столицы. Эта периферийная база сопротивления может оставаться небольшой и незначительной в течение

нескольких лет. Но если режим становится более нестабильным – ослабевают экономически, испытывая военные неудачи, теряя поддержку среди все новых групп народа и лояльность все новых элит – оппозиционный нуклеус может начать расти и укрепляться по мере роста числа тех, кто его поддерживает, и сокращения числа тех, кто поддерживает существующий режим...» (Goldstone, 2014: 28).

Однако к событиям революционной волны 2013-2014 гг. самое прямое отношение имеет второй тип – «центральный коллапс». Центральный коллапс «может быть запущен быстрым экономическим спадом, скачком цен, военным поражением, выборными фальсификациями или какими-то действиями правительства, встречающими массовое сопротивление. Каков бы ни был начальный импульс, за ним быстро следует массовая демонстрация в столичном городе. Правительство пытается разогнать демонстрацию, но сделать это оказывается неожиданно сложно; за первыми попытками разгона следуют все более масштабные демонстрации. Полицейские силы оказываются неспособными справиться с городскими беспорядками, и правительство сталкивается с такой ситуацией, когда для подавления беспорядков оно оказывается вынуждено привлечь армию. Однако армия отказывается от решительных действий по очистке улиц от протестующих; ключевые воинские части занимают нейтральную позицию, а некоторые даже переходят на сторону оппозиции. Бездействие армии служит сигналом правителю, элитам и населению о том, что режим реально беззащитен. Толпы захватывают столицу; схожие массовые демонстрации распространяются по другим городам и областям страны. Все это развивается на протяжении немногих недель (максимум – нескольких месяцев). Правитель после этого может бежать из страны или быть пленён, в то время как элиты, поддерживаемые толпами народа или военными, захватывают правительственные здания и создают временное правительство» (Goldstone,

2014: 27). Здесь мы будем рассматривать только тип «центрального коллапса», вынеся сценарий «наступления с периферии» за скобки.

Соображения Дж. Голдстоуна можно оформить в виде следующей поддающейся формальной эмпирической количественной проверке гипотезы. В 2013–2014 гг. сильным предиктором социально-политической дестабилизации по сценарию «центрального коллапса» является сочетание среднего уровня ВВП на душу населения с высоким уровнем коррупции и политическим режимом, промежуточным между последовательным авторитаризмом и консолидированной демократией. Данная гипотеза может быть представлена следующим образом. В 2013–2014 гг. среди стран с ВВП равным или более высоким, чем в Египте и/или равном или более низком, чем в Венесуэле, а также с уровнем коррупции равным или более высоким, чем в Боснии, в странах, проиндексированных *Freedom House* как «частично свободные», следует ожидать революционной дестабилизации по модели «центрального коллапса» со значимо более высокой частотой, чем в странах индексированных *Freedom House* либо как «свободные», либо как «несвободные» (Issaev, Korotayev, Zinkina 2017). Формальный тест данной гипотезы можно видеть на табл. 1.

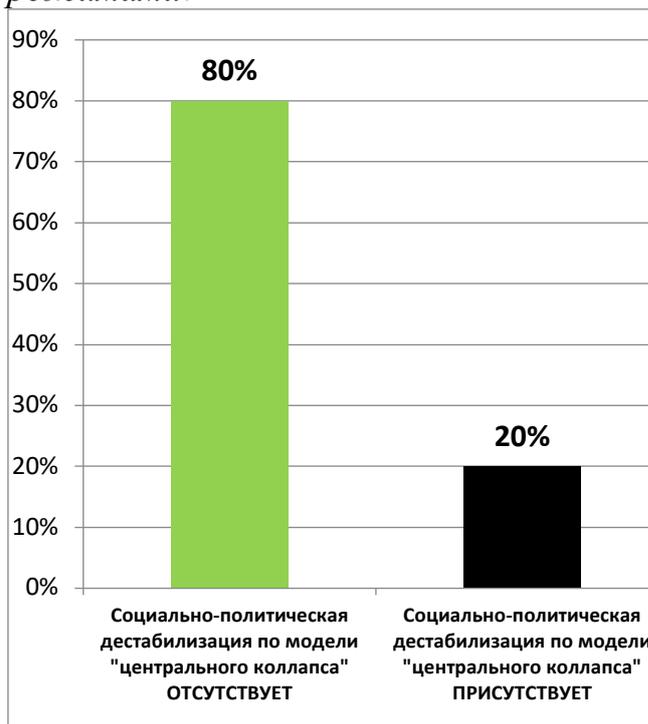
Табл. 1. Неконсолидированная демократия как предиктор уровня социально-политической дестабилизации по модели «центрального коллапса» в высококорруптированных среднеразвитых странах в 2013-2014 гг.

		Индекс уровня социально – политической дестабилизации по модели «центрального коллапса»				Итого
		0	0,25	0,5	1	
Индекс Freedom House (дихотомизированный)	0 (иные значения ≈ последовательно авторитарные и консолидированно демократические режимы)	12 <i>Алжир, Азербайджан, КНР, Сальвадор, Гайана, Иран, Ямайка, Сербия, ЮАР, Суринам, Тонга, Туркменистан</i>	3 <i>Бразилия, Ирак, Перу</i>			15
		80%	20%			100%
	1 (<i>partly free</i> ≈	5	2	4	3	14

	неконсолидированные / частичные демократии)	Албания, Доминиканская Республика, Эквадор, Мальдивы, Парагвай	Колумбия , Ливия	Босния, Тунис, Турция, Венесуэла	Египет, Таиланд, Украина	
		35,7%	14,3%	28,6%	21,4%	100%
Итого		17	5	3	3	29
		60,7%	17,9%	10,7%	10,7%	100%

Как мы видим, для последних лет наличие неконсолидированного демократического режима оказывается неплохим предиктором социально-политической дестабилизации по модели «центрального коллапса» (см. Рис. 6 и 7).

Рис. 6. Риски социально-политической дестабилизации по модели «центрального коллапса» в 2013–2014 гг. в высоко коррумпированных среднеразвитых странах с последовательно авторитарными или консолидированно демократическими режимами.

Рис. 7. Риски социально-политической дестабилизации по модели «центрального коллапса» в 2013–2014 гг. в высоко коррумпированных среднеразвитых странах с режимом частичной демократии.

Как мы видим, в высоко коррумпированных среднеразвитых обществах последнего времени и последовательный авторитаризм, и консолидированная демократия выступают мощными факторами, подавляющими социально-политическую дестабилизацию по модели «центрального коллапса». подобного рода дестабилизация наблюдалась лишь в небольшом

меньшинстве высоко коррумпированных среднеразвитых обществ, имеющих рейтинг *Freedom House* отличный от «*partly free*» (при этом во всех случаях речь шла о самой минимальной дестабилизации). В то же самое время социально-политическая дестабилизация по модели «центрального коллапса» наблюдалась в абсолютном большинстве высоко коррумпированных среднеразвитых обществ, имеющих рейтинг «*partly free*». При этом речь здесь в большинстве случаев шла о достаточно масштабной дестабилизации – вплоть до падения режимов (Issaev, Korotayev, Zinkina 2017).

Стоит отметить, что для табл. 1 корреляция между двумя переменными – не очень высока (с коэффициентом ранговой корреляции Спирмена на уровне между 0,50 и 0,53). К тому же выясняется, что для дестабилизационной волны 2013–2014 гг. можно найти и ещё один общий знаменатель.

Как известно модернизационные процессы, которые в современном мире в очень высокой степени коррелируют с процессами вестернизационными (Хантингтон, 2003), в сколько-нибудь крупных странах идут неравномерно в разных их частях. При этом в столицах они обычно идут быстрее, чем на периферии, в результате чего настроения населения столиц совершенно закономерно могут начинать существенно отличаться от настроения периферии. Предельно упрощая, в столицах модернизирующихся систем обычно преобладают более «либеральные» / «вестернизированные» (в исламских странах – более «секуляристские») настроения, а на периферии – более «консервативные» / менее «вестернизированные» (в исламских странах – более «исламистские») (Issaev, Korotayev, Zinkina 2017).

В подобной ситуации установление демократии в подобного рода странах систематически ведёт к такой ситуации, когда при проведении демократических выборов к власти приходит партия, пользующаяся поддержкой большинства страны, но не пользующаяся поддержкой большинства населения столиц (Issaev, Korotayev, Zinkina 2017).

Таким образом, можно выделить ещё один предиктор социально-политической дестабилизации для высоко коррумпированных среднеразвитых обществ, который мы назвали «центр-периферийным диссонансом». В целом тезис о центр-периферийном диссонансе можно оформить в виде следующей поддающейся формальной эмпирической количественной проверке гипотезы. В 2013–2014 гг. сильным предиктором социально-политической дестабилизации по сценарию «центрального коллапса» являлось сочетание среднего уровня ВВП на душу населения с высоким уровнем коррупции и заметным уровнем центр-периферийного диссонанса. Данная гипотеза может быть далее представлена следующим образом. В 2013–2014 гг. среди стран с ВВП равном или более высоким, чем в Египте и/или равном или более низким, чем в Венесуэле, а также с уровнем коррупции равным или более высоким, чем в Боснии и Герцеговине, в странах с более высоким значением индекса центр-периферийного диссонанса следует ожидать революционной дестабилизации по модели «центрального коллапса» со значимо более высокой частотой, чем в странах с более низким значением этого индекса (Issaev, Korotayev, Zinkina 2017).

Для тестирования этой гипотезы был использован следующий индекс центр-периферийного диссонанса:

1 – уровень поддержки режима в центре («столицах») существенно меньше, чем в целом по стране;

0,5 – промежуточное значение;

0 – уровень поддержки режима в центре («столицах») такой же или выше, чем в целом по стране.

Формальный тест сформулированной гипотезы можно видеть на табл. 2.

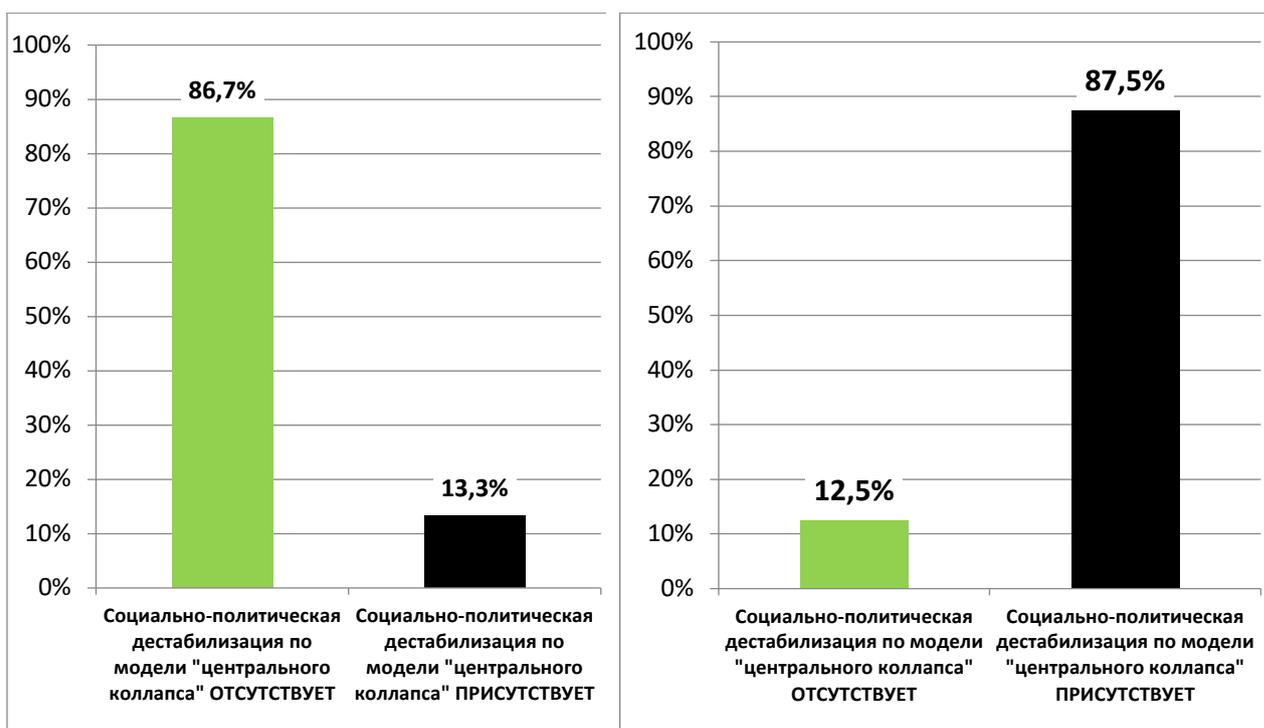
Табл. 2. Центр-периферийный диссонанс как предиктор уровня социально-политической дестабилизации по модели «центрального коллапса» в высоко коррумпированных среднеразвитых странах в 2013–2014 гг.

		Индекс уровня социально-политической дестабилизации по модели «центрального коллапса»				Итого
		0	0,25	0,5	1	
ИЦПД: Индекс центр-периферийного диссонанса	0 (уровень поддержки режима в центре [«столицах»] такой же или выше, чем в целом по стране)	13 <i>Албания, Доминиканская Республика, Парагвай, Алжир, Азербайджан, КНР, Сальвадор, Гайана, Иран, Сербия, Суринам, Тонга, Туркменистан</i>	2 <i>Ливия, Ирак</i>			15
		86,7%	13,3%			100%
	0,5 (промежуточное значение)	2 <i>Ямайка, ЮАР</i>	1 <i>Бразилия</i>	2 <i>Турция</i>		5
		40%	20%	40%		100%
	1 (уровень поддержки режима в центре [«столицах»] существенно меньше, чем в целом по стране)	1 <i>Эквадор</i>	2 <i>Колумбия</i>	2 <i>Босния, Тунис</i>	3 <i>Египет, Таиланд, Украина</i>	8
	12,5%	25%	25%	37,5%	100%	
Итого		16	5	4	3	28
		57,1%	17,9%	14,3%	10,7%	100,0%

Как мы видим, для последних лет наличие центр-периферийного диссонанса оказывается даже заметно более сильным предиктором социальнополитической дестабилизации по модели «центрального коллапса», чем наличие неконсолидированного демократического режима. Так, коэффициент корреляции (0,72) для центр-периферийного диссонанса оказывается заметно выше, чем для неконсолидированной демократии (0,50-0,53). Это достаточно наглядно видно и при использовании дихотомизированных вариантов индексов (см. Рис. 8 и 9).

Рис. 8. Риски социально-политической дестабилизации по модели «центрального коллапса» в 2013–2014 гг. в высококорруптированных среднеразвитых странах с отсутствием центр-периферийного диссонанса.

Рис. 9. Риски социально-политической дестабилизации по модели «центрального коллапса» в 2013–2014 гг. в высококорруптированных среднеразвитых странах с наличием центр-периферийного диссонанса.

Напомним, что в 2013 – первой половине 2014 гг. присутствие неконсолидированной демократии в высоко коррумпированных среднеразвитых странах являлось индикатором 64-процентного риска социально-политической дестабилизации по модели «центрального коллапса». А вот при наличии центр-периферийного диссонанса речь шла уже о риске в более чем 87%.

Таким образом, удалось выявить ещё один важный фактор дестабилизационной волны 2013–2014 гг. по модели «центрального коллапса». Речь идет о факторе, обозначенном нами как «центр-периферийный диссонанс». Подчеркнем ещё раз, что появление этого фактора совсем не случайно, а скорее даже неизбежно в процессе модернизации, и связано с закономерной неоднородностью и асинхронностью модернизационных процессов, когда центральные элементы («столицы») системы практически всегда модернизируются быстрее, чем ее периферия (Issaev, Korotayev, Zinkina 2017).

При этом стоит подчеркнуть, что потенциально дестабилизирующая роль этого фактора может быть очень сильна и опасна. События 2010-х гг.

показали, что этот фактор способен дестабилизировать общество и в условиях завершения демографического перехода, когда исчезает такой традиционно важный фактор политической дестабилизации, как «молодежный бугор» (см.: Коротаев, Зинькина 2011). При этом имеются определенные основания утверждать, что центр-периферийный диссонанс может быть фактором не только относительно бескровных «центральных коллапсов», но и кровавых гражданских войн. Если «центральный коллапс» происходит под действием центр-периферийного диссонанса, это по определению означает, что как минимум значительная часть политически активного населения периферии (если даже не его большинство), считает силы, захватившие с применением насилия власть в столице, нелегитимными, а себя – в праве применить насилие для свержения этих сил (Issaev, Korotayev, Zinkina 2017).

5. Внутриэлитный раскол как фактор социально-политической дестабилизации

Статья, выбранная для защиты: Shishkina A., Issaev L., Korotayev A. Egyptian Coup of 2013: An 'Econometric' Analysis // *Journal of North African Studies*. 2016. Vol. 21. No. 3. P. 341-356.

Анализ египетской революции 2011 г. показал, что она смогла одержать неожиданно легкую победу во многом благодаря следующим двум обстоятельствам. Во-первых, сильнейший внутриэлитный конфликт. Речь идет прежде всего о конфликте между военными («старой гвардией») и экономической элитой («молодой гвардией») – группировкой ведущих египетских бизнесменов во главе с Г. Мубараком. Армейская верхушка контролировала (и контролирует) не только вооруженные силы Египта, но и значительную часть египетской экономики. Речь идет не только о военных предприятиях, но и о больших земельных массивах, недвижимости, фабриках и заводах, выпускающих как продукцию оборонного назначения, так и других секторов промышленности. Оценки доли египетской экономики,

контролируемой военными, оцениваются различными аналитиками в пределах от 10 до 40% (Marshall, Stacher, 2012). Эту группировку египетской элиты очень пугало возвышение «молодой гвардии» ведущих египетских бизнесменов под руководством Г. Мубарака. Ведь «молодая гвардия» контролировала экономический блок египетского правительства, которое проводило начиная с 2004 г. эффективные реформы, приведшие к заметному ускорению темпов роста египетской экономики. В июле 2004 г. на пост премьер-министра Египта был назначен А. Назиф, собравший вокруг себя грамотную команду экономистов близких к Г. Мубараку, в большинстве своем получивших образование на Западе. Так, пост министра финансов достался Ю. Бутрису-Гали, должность министра внешней торговли и индустрии – Р. Рашиду, окончившему Гарвардскую бизнес-школу, портфель министра инвестиций получил в прошлом спецпредставитель президента при Всемирном банке М. Мохи ад-Дин. Таким образом, финансово-экономический блок правительства постепенно переходил в руки «молодой гвардии», что не могло не беспокоить военных (Shishkina, Issaev, Korotayev 2016).

«Последние несколько десятилетий, – пишет американский социолог Непштад, – египетские военные не тратили все свое время лишь на обеспечение национальной безопасности; они также приобрели ценную недвижимость и многочисленные предприятия. По некоторым оценкам, военные контролируют 40% египетской экономики. Перед событиями 2011 г. египетские генералы выражали свою озабоченность планом президента Х. Мубарака назначить Гамаль своим преемником. Многие были уверены, что если Гамаль станет президентом, он начнет осуществлять политику приватизации, которая приведет к демонтажу экономической империи египетских военных» (Nepstad, 2011). Действительно, были все основания ожидать, что ведущие египетские бизнесмены из окружения Г. Мубарака в

случае его прихода к власти начнут перераспределение собственности военных, обосновывая это неэффективностью ее использования.

Подобное развитие событий становилось еще более вероятным, учитывая откровенное засилье «молодой гвардии» в парламенте Египта и Национал-демократической партии (НДП), где ключевой пост руководителя политического комитета с 2002 г. сохранялся за Г. Мубараком. Неудивительно, что как только у военных появилась возможность расправиться с окружением Г. Мубарака в начале 2011 г., они ей воспользовались (Shishkina, Issaev, Korotayev 2016).

Египетский внутриэлитный конфликт позволяет понять многие обстоятельства египетской революции. Например, в течение всей революции армия достаточно эффективно охраняла все важные государственные объекты, жестко пресекая все попытки протестующих их захватывать. Однако уже в самые первые дни революционных событий (28–29 января 2011 г.) военные позволили оппозиционным манифестантам разгромить штаб-квартиру правящей Национально-демократической партии (Исаев, Шишкина, 2012).

Второе обстоятельство, обеспечившее неожиданно быстрый успех протестующих в 2011 г., – это создание широкого оппозиционного блока, в котором объединились и стали вполне скоординировано действовать секуляристы, придерживающиеся как левых, так и либеральных взглядов, и исламисты. При этом исламисты во многом сыграли ключевую роль в успехе египетской революции (Shishkina, Issaev, Korotayev 2016).

После того как была выбрана дата начала манифестаций, лишь две политические партии Египта подтвердили свое участие в демонстрациях: «аль-Гадд» и Демократический фронт. Однако основной вопрос заключался в том, примут ли Братья-мусульмане участие в намеченных акциях протеста. Поскольку эта ассоциация была самой опытной, организованной и

многочисленной оппозиционной силой в Египте, ее решение участвовать в демонстрациях во многом носило судьбоносный характер (Shishkina, Issaev, Korotayev 2016). Комментируя возможное участие Братьев-мусульман в акциях протеста, намеченных на 25 января, член движения «Кифайя» и Национальной ассоциации перемен К. аль-Хифнави назвал это «бесспорно положительным аспектом», а также отметил, что даже если Братья-мусульмане обычно участвуют в протестах не как группа, а индивидуально, это служит катализатором к участию других оппозиционных групп (Fahmy, 2011).

20 января 2011 г. на сайте «ад-Дустур» появилось выступление одного из лидеров Братьев-мусульман Э. аль-Ирьяни, в котором говорилось о том, что ассоциация не будет принимать участие в демонстрациях. Свою позицию Братья-мусульмане аргументировали в первую очередь тем, что инициатива вывести людей на улицы, исходившая из сети Facebook, была адресована не политическим партиям и движениям, а напрямую народу (Исаев, Шишкина, 2012). В этой связи Братья-мусульмане приняли решение не участвовать в акциях протеста, как организованная группа, однако эта позиция руководства ассоциации несколько не запрещала ее членам участвовать в демонстрациях индивидуально, что, собственно говоря, и произошло.

Однако союз секуляристов с исламистами кончился, как только общий враг в лице Х. Мубарака был повержен. Уже на референдум по голосованию за Временную конституционную декларацию страны в марте 2011 г. исламисты и либералы шли как оппоненты, заняв непримиримые позиции по отношению друг к другу. И, если Братья-мусульмане призывали одобрить выносимый на референдум документ, то все потенциальные кандидаты в президенты светской ориентации – М. аль-Барадеи, А. Мусса, Х. Бастависи, Х. Сабахи – проголосовали против поправок к конституции (Shishkina, Issaev, Korotayev 2016).

Наблюдаемая же в преддверии переворота 2013 г. ситуация распределение сил в январе 2011 г. Была полностью противоположна. Революция с последующей контрреволюцией привела к самому глубокому расколу среди январского (2011 г.) оппозиционного макроблока. При этом к расколу сразу по нескольким направлениям. Внутри этого макроблока расколотым оказался даже исламистский блок, ведь инициаторов переворота в лице военных поддержала вторая по силе исламистская партия – партия исламистов-салафитов Хизб ан-Нур, а также целый ряд видных исламистов (Shishkina, Issaev, Korotayev 2016).

Падение Братьев-мусульман было вполне закономерным. Уже в первые месяцы своего правления они вплотную столкнулись с необходимостью проведения крайне непопулярной политики по преодолению социально-экономического кризиса в стране. Сигналом того, к каким политическим последствиям это может привести, послужило голосование на референдуме в декабре 2012 г., когда поддержка предложенной исламистами конституции была не столь очевидна, как в марте 2011 г. на голосовании по принятию временной конституционной декларации или на парламентских выборах в декабре 2011 – январе 2012 гг. Братья-мусульмане отказались идти на компромисс с другими политическими силами Египта и вступать в с ними в коалиции. Это во многом можно объяснить и тем, что у движения еще никогда не было опыта не только управления государством, но и участия в легальном политическом процессе. Братья-мусульмане за год своего правления настроили против себя практически все главные политические силы Египта, что и предопределило их падение (Shishkina, Issaev, Korotayev 2016).

После победы Братьев-мусульман на парламентских выборах 2011–2012 гг., и М. Мурси на президентских выборах, роспуска Высшего совета вооруженных сил и отстранения от должности министра обороны М. Тантави и начальника генштаба С. Аднана, с последовавшими кадровыми

перестановками в рядах военных, ситуация стала угрожающей и для египетского генералитета. Уже к 2013 г. египетская армия, наряду с уцелевшими сторонниками Г. Мубарака, осознала необходимость совместного противостояния Братьям-мусульманам (Shishkina, Issaev, Korotayev 2016).

Таким образом, египетская экономическая элита пошла на примирение с военными, и в июне 2013 г. они выступили единым хорошо скоординированным фронтом, обеспечившим столь быстрое свержение Братьев-мусульман. Экономическая элита поняла, что продолжать какие-либо серьезные попытки захватить собственность военных несет еще большие издержки, нежели признание их доминирующего положения в правящем блоке, а также неприкосновенность их экономических ресурсов (Shishkina, Issaev, Korotayev 2016).

6. Роль региональных акторов в процессах социально-политической дестабилизации в «афразийской» макроразоне нестабильности

Статья, выбранная для защиты: Исаев Л.М. ЛАГ и Ближневосточный кризис // *Азия и Африка сегодня*. 2013. № 5. С. 33-36; Исаев Л.М. Арабская весна и Лига арабских государств: между Багдадом и Каиром // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2013. № 3. С. 55-63.

Рост глобальной протестной активности в 2010-е гг., эпицентром которой стала «афразийская» макроразона нестабильности привел к расколу между региональными акторами на Ближнем Востоке и Северной Африке. Довольно давно в регионе существует арабо-израильский конфликт, а также антагонизм между шиитским Ираном, который поддерживает политические партии и движения в Сирии, Ираке, Ливане и Палестине, и суннитскими монархиями в Персидском заливе во главе с Саудовской Аравией. Но в связи событиями «арабской весны» этот антагонизм превратился в открытый раскол. В результате наметившееся противостояние между региональными

акторами выступило в качестве одного из факторов социально-политической дестабилизации в регионе (Васильев и др. 2019).

На Ближнем и Среднем Востоке произошло изменение соотношения сил, веса и влияния местных игроков. Из-за экономических потерь революций и нерешенных проблем лидерские позиции в регионе временно потерял Египет, зависимый от финансовой помощи стран Персидского залива. На арабскую авансцену выдвинулась Саудовская Аравия. Ее союзниками стали большинство стран Персидского залива, Египет, Иордания (Васильев и др. 2019).

Саудовской Аравии и ее союзникам бросил вызов новый альянс: Турция – Катар – Братья мусульмане. Это было сотрудничество с самой экономически развитой и с самыми мощными вооруженными силами в регионе неарабской страны, где у власти находилась партия, близкая по идеологии к Братьям-мусульманам. Второй составляющей альянса стало государство Катар с колоссальными финансовыми ресурсами. Третья составляющая – международная идеологическая и политическая структура Братья мусульмане, претендовавшие на власть в ряде арабских государств (Васильев и др. 2019).

Этот альянс сумел достичь впечатляющих успехов в период «арабской весны» 2011-2012 гг. После египетской революции 25 января 2011 г. этот союз преуспел в укреплении позиций Братьев-мусульман, которые в итоге пришли к власти в Египте в 2012 г. В Ливии Катар и Турция поддержали восстание против М. Каддафи и сумели перевести эту поддержку в очень сильный рост позиций ливийских Братьев-мусульман. В частности, Братья-мусульмане добились доминирования во Всеобщем национальном конгрессе, избранном в июле 2012 г. В Тунисе движению «ан-Нахда» идеологически довольно близкому к Братьям-мусульманам удалось при поддержке Катара и Турции выиграть первые свободные выборы в октябре 2011 г. и временно сформировать правительство. В Сирии Турции и Катару удалось обеспечить

лидирующие позиции сирийских Братьев-мусульман в главном координационном центре сирийской оппозиции за пределами Сирии – Сирийском национальном совете, сформированном в августе 2011 г. в Стамбуле, при этом повстанческие группировки, поддерживаемые Турцией и Катаром, добились серьезных территориальных приобретений внутри Сирии. В Йемене силы, достаточно близкие к Братьям-мусульманам, постепенно пришли к власти после отставки А. Салеха в ноябре 2011 г. Помимо этого, в Иордании Братья-мусульмане возглавили акции протеста в 2011 г. и даже были приглашены королем Абдаллой II в иорданский кабинет министров (Васильев и др. 2019).

Еще одним важным моментом является то, что к середине 2013 г. Катар и Турция добились поддержки Братьев-мусульман со стороны международного сообщества. Отметим, что катарско-турецкий альянс оказался достаточно эффективным механизмом. Несмотря на огромный экономический, демографический и военный потенциал (сравнимый с Ираном, Саудовской Аравией или Египтом), Турция (как неарабское государство), вряд ли, имела сколько-нибудь реальные шансы в одиночку достичь регионального лидерства в преимущественно арабском регионе (кстати, это серьезное препятствие и для иранских усилий) (Васильев и др. 2019).

С другой стороны, Катар, несмотря на его огромные финансовые ресурсы и арабскую идентичность, слишком мал, чтобы в одиночку предпринимать какие-либо серьезные попытки достичь регионального лидерства. Катару и Турции удалось бросить в 2010-2012 гг. довольно впечатляющий вызов на региональную гегемонию только после того, как они объединили свои силы, добавив к этому огромный политический потенциал Братьев-мусульман (Васильев и др. 2019).

Однако в 2013 г. Саудовской Аравии и ее союзникам удалось провести довольно успешное контрнаступление. Его центральным элементом стало свержение правительства Братьев-мусульман в Египте, осуществленное в

союзе с египетскими военными и некоторыми другими внутренними египетскими и международными силами. В январе 2014 г., под огромным давлением, «ан-Нахда» была вынуждена уйти из власти в Тунисе. В Ливии при поддержке Саудовской Аравии и ее союзников Х. Хафтар начал в мае 2014 г. военную операцию «Достоинство», которая привела к резкому снижению влияния Братьев-мусульман в этой стране. В Сирии Саудовской Аравии удалось существенно сократить влияние Братьев-мусульман в Национальной коалиции сирийских революционных и оппозиционных сил (которая заменила Сирийский национальный совет в качестве главного координационного центра сирийской оппозиции за пределами Сирии) и на какое-то время усилить влияние просаудовских группировок. Сократилось влияние Братьев-мусульман и в Иордании. Вместе с тем, Саудовская Аравия начала довольно успешное наступление на Братьев-мусульман во всем арабском мире (включая саму Саудовскую Аравию) (Васильев и др. 2019).

В борьбе за региональное лидерство столкнулись Саудовская Аравия и Иран. Центр суннизма, где были священные города Мекка и Медина, оказался лицом к лицу с шиитской региональной державой. Это переросло в суннито-шиитское противостояние в масштабах региона и в целом в мире. Этот раскол поддерживают де-факто западные державы, заинтересованные в расколе мусульманского мира, что увеличивает возможности новых социальных взрывов в регионе (Васильев и др. 2019).

Иран со своей стороны смог создать неофициальный блок, названный «осью сопротивления». У Тегерана появились союзники в виде сирийского режима с его очень сильной алавитской составляющей, ливанская «Хизбалла», и шиитское ополчение Ирака, не говоря о сотрудничестве на официальном уровне с Багдадом, где у власти находятся шиитские партии, и шиитское ополчение из Афганистана и Пакистана (Васильев и др. 2019).

Таким образом, «арабская весна» послужила триггером появления новых коалиций в «афразийской» макроне, которая оказала существенное влияние на затяжной характер дестабилизационных процессов в регионе.

7. Глобальный аспект социально-политической дестабилизации в «афразийской» макроне нестабильности

Статьи, выбранные для защиты: Issaev L. Russia and the New Middle East // *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. 2021. Vol. 23. No. 3. P. 423-442; Issaev L. Russia and the Middle East: From “Honest Broker” to “Status Keeper” // *Demokratizatsiya*, 2023. Vol. 31, No 3. P. 309-333.

На основе изучения российской политики в регионе Ближнего Востока и Северной Африки был разработан исследовательский дизайн изучения роли внешних акторов в процессах социально-политической дестабилизации в «афразийской» макроне нестабильности. На наш взгляд рост глобальной протестной активности в «афразийской» макроне нестабильности стал следствием ослаблением мир-системного центра и усилением роли периферийных стран. Эти процессы также сопровождаются переходом к новому состоянию международных отношений, когда наряду с попытками сохранить старые союзы одновременно формируются разнообразные новые коалиции.

Ослабление роли глобальных акторов в «афразийской» макроне нестабильности оказало существенное влияние на реконфигурацию всего региона. Дело не только в том, что процессы социально-политической дестабилизации затронули в той или иной степени практически все страны макроне. Дело скорее в том, что наметился тренд на изменение самой структуры как горизонтальных (между региональными игроками), так и вертикальных (между региональными и глобальными игроками) взаимоотношений. Ослабление мир-системного центра закономерно привело и к пересмотру сложившихся гарантий в сфере безопасности, что привело к

усилению милитаризации и, как следствие к росту социально-политической нестабильности в «афразийской» макроне.

Таким образом, изменение глобального баланса сил в 2010-е гг. начали приводить к трансформациям миропорядка в целом, в той или иной степени оказав влияние на все регионы мира и в особенности «афразийскую» макрону, которая стала де факто эпицентром этих событий.

8. Децентрализация как возможный фактор противодействия дестабилизационным процессам

Монография, выбранная для защиты: Issaev L., Zakharov A. *Federalism in the Middle East: State Reconstruction Projects and the Arab Spring*. Springer, 2021.

«Арабская весна» оживила в некоторых из затронутых ею государствах Ближнего Востока и Северной Африки дискуссии о федерализме и децентрализации. Это отнюдь не кажется удивительным: авторитарные модели правления, господствовавшие в этом регионе на протяжении десятилетий, исчерпали себя, а вместе с ними растратила свой потенциал и присущая им жесткая централизация власти. В итоге в первые два десятилетия XXI века федерация как способ политического бытия оказалась востребованной в таких арабских государствах, как Ирак, Ливия, Йемен, Сирия. Во всех упомянутых контекстах планы переустройства на федеративных началах стали предметом идущего с большей или меньшей интенсивностью общественного диалога, а в одной из этих стран – в Ираке, избавившемся от диктатуры Саддама Хусейна – федерализм из идеи уже превратился в практику, еще более подогрев дебаты, идущие в странах региона (Issaev, Zakharov 2021).

В оценке всех этих событий важную роль играет также и принципиальное обстоятельство, далеко не всегда акцентируемое: у арабского мира отнюдь нет приписываемой ему иногда «аллергии» на федерализм – напротив, повсюду, где эта идея после «арабской весны» обрела релевантность,

федеративные эксперименты имели собственную предысторию, иногда весьма бурную и богатую. Иначе говоря, послереволюционные федерации выстраиваются вовсе не с чистого листа: за ними стоит то, что с полным основанием можно назвать «арабской традицией федерализма» (Issaev, Zakharov 2021).

«Арабская весна» по-разному повлияла на страны, затронутые порожденной ею политической нестабильностью. События 2011-2012 гг. обнажили реальный кризисный потенциал той или иной арабской страны, сделав явными многочисленные и зачастую колоссальные проблемы, которые на протяжении многих лет игнорировались или откладывались арабскими правителями. Но если в одних государствах главный «весенний» лозунг – «Народ требует свержения режима!» – оказался фатальным только для правящих династий или отдельных правителей, ознаменовав смену руководящих элит и не коснувшись политической системы как таковой, то в других государствах революционные процессы разрушили почти все. Отсюда вытекает закономерный вопрос: почему, в Тунисе или Египте государственность, несмотря на все потрясения, устояла, а в Йемене, Ливии или Сирии она развалилась едва ли не полностью? (Issaev, Zakharov 2021).

Все дело в природе проблем, которые приходилось решать в ходе революционного реформирования. В то время как Х. Мубарак или З. Бен Али управляли преимущественно (хотя и не без оговорок) гомогенными обществами, йеменские, ливийские, сирийские – а также иракские – руководители после получения их странами независимости руководили раздробленными, мозаичными, пестрыми общественными системами, рожденными политической инженерией бывших колонизаторов. И если в первых двух ситуациях – в Египте и Тунисе – свержение режимов запускало постепенное, хотя и сложное, возвращение к нормальной жизни, то в Йемене, Ираке, Ливии (и в значительной мере в Сирии) оно, напротив, ликвидировало те политические механизмы, которые вообще позволяли государствам

существовать в устоявшихся и признанных границах. В каждом из этих случаев смещение диктатора не решало ровным счетом ничего; подобно этому и уход Б. Асада, если бы он вдруг состоялся, не завершил бы, но, напротив, лишь усугубил бы сирийский кризис (Issaev, Zakharov 2021).

Исторически оказавшиеся сложносоставными и разнообразными, Ирак, Йемен, Ливия, Сирия всегда были предрасположены к федерализации. Они объективно нуждались в ней из-за крайней неоднородности своего политического пространства, лишённого единства культуры, религии, языка, этнического субстрата. Но эта потребность в присущем федерализму сочетании самоуправления и разделённого правления (*self-rule and shared-rule*) десятилетиями не удовлетворялась, поскольку интенсивное строительство *nation-state*, сразу же охватившее постколониальные общества, жестко вытесняло федеративные проекты на задний план. «Арабская весна» в данном отношении мало что поменяла. Новые, послереволюционные власти нередко выступают под лозунгами той же единой и неделимой унифицирующей государственности, делая уважение к разнообразию, на котором строится федеративный проект, недостижимым (Issaev, Zakharov 2021).

Вместе с тем, «арабская весна» позволила артикулировать на Ближнем Востоке и в Северной Африке объективный общественный запрос на децентрализацию, который на протяжении десятилетий вытеснялся и подавлялся. Сравнительное изучение федерализма показывает, что гражданский конфликт в сложносоставных обществах способен служить прологом к федерализации; война на практике опровергает эффективность унитарных моделей, в гетерогенных контекстах, неизбежно опирающихся на угнетение и подавление меньшинств (Issaev, Zakharov 2021).

Фундаментальной ценностью федерации в подобных ситуациях оказывается то, что она предстает как опция, позволяющая сломать традиционные для авторитаризма сценарии «игр с нулевой суммой». Иначе

говоря, полезность рассредоточения власти как способа общественного примирения осознана сегодня не только за пределами арабского мира, но и в нем самом: о федерализме много говорят в арабских странах, причем не только ученые и активисты, но и политики – и это, разумеется, приближает его практическую имплементацию (Issaev, Zakharov 2021).

Есть, однако, серьезная проблема, которая заключается в том, что с внедрением федерализма легко опоздать. Если дискуссии о его внедрении сильно затягиваются, то ожесточение враждующих сторон может дойти до такой точки, после которой федерализация как компромиссное и промежуточное решение просто перестанет их интересовать. «Одной из типичных причин, не позволяющих реализовать преимуществ федерализма, выступает задержка с его внедрением, – подытоживает подобные ситуации Д. Горовиц. – Государства, способные получить выгоды от перехода к федеративному устройству, зачастую осознают “плюсы” федерализма слишком поздно, когда внутренний конфликт уже вовсю разгорелся. По мере того, как напряженность нарастает, их правительства проявляют еще больше колебаний, опасаясь все более неизбежной сецессии» (Horovitz 2007: 963). Сказанное исключительно важно в контексте Ближнего Востока и Северной Африки. В каждом из рассмотренных случаев острота «запаздывания» имеет свою специфику, но в той или иной форме вопрос актуален повсюду. Он, кстати, не менее важен, чем еще один фактор риска – внешнее вмешательство, способное заблокировать федералистский диалог и дальнейший переход к федеративной сделке (Issaev, Zakharov 2021).

9. Факторы устойчивости дуалистических монархий в странах «афразийкой» макрзоны нестабильности

Статья, выбранная для защиты: Issaev L., Zakharov A. Dynastic Sacredness: Islam and the Arab Spring in Morocco // *Middle East Policy*. 2022. Vol. 29. No. 3. P. 112-128.

Многие исследователи отмечали, что устойчивость марокканского и иорданского режимов сначала во время событий «арабской весны», а затем и второй революционной волны конца 2010-х гг., обусловлена т.н. фактором «сакрализации» власти (см.: Демченко, 2013; Кузнецов, 2018). Эта позиция основывалась на том, что правящие династии Алауитов в Марокко и Хашимитов в Иордании одни из немногих, чья родословная восходит к пророку Мухаммаду. Подобное мнение представляется нам ошибочным, поскольку принцип неприкасаемости в отношении монархов даже с религиозной родословной работает не всегда. Опровержение упомянутой гипотезы базируется на двух основаниях.

Во-первых, исторические факты, подкрепляющие аргументацию первого рода, свидетельствуют о том, что родословная, отсылающая к самому Мухаммаду, ни в давние, ни в нынешние времена не выводила представителей двух интересующих нас династий из-под действия элементарных законов борьбы за власть. Они не только становились жертвами тех, кто оспаривал их доминирующее положение, но и порой погибали от их рук – как самые обычные смертные. Несомненно, и марокканские, и иорданские монархи целенаправленно использовали религиозные ритуалы и институты для упрочения собственной власти. Так, иорданский король Хусейн постоянно подчеркивал свою роль хранителя мусульманских святынь Храмовой горы в Иерусалиме, а при марокканском короле Хасане II государство ежегодно публиковало его генеалогию, ведущую прямо к пророку Мухаммаду (Issaev, Zakharov 2022).

Кроме того, власть прямых потомков Пророка никогда не была безграничной, поскольку внутри исламской политико-правовой системы всегда работали сдерживающие механизмы, своего рода мусульманские сдержки и противовесы, которые эффективно лимитировали неограниченных, казалось бы, властителей. Их действие в разные времена довелось испытать на себе обеим правящим династиям, и Алауитам, и

Хашимитам – подобно тому, как в плену тех же сдержек и противовесов до самого краха Османской империи был вынужден действовать и турецкий султан в своей ипостаси халифа, духовного лидера всех правоверных-суннитов (Feldman, 2008). Главным принципом этой системы, многократно исследованной и описанной, было то, что никакая родословная не дает правителю права делать все, что ему заблагорассудится. Разрушение же этой системы началось лишь в XX столетии (Issaev, Zakharov 2022).

Во-вторых, то обстоятельство, что суннитская общественно-политическая мысль всегда считала публичную власть предметом не религиозной догматики, а исламского права, переводило ее в предмет мирского регулирования и контроля. Весьма распространенной среди суннитов точкой зрения, разработанной еще в начале XI века крупнейшим мусульманским правоведом Абу аль-Хасаном аль-Маварди, является представление об Аллахе как верховном носителе суверенитета (Аль-Маварди, б/г). Опираясь на его имя и руководствуясь его поручением, власть на земле реализует мусульманская община, суверенные права которой выражаются, прежде всего, в ее способности избирать себе правителя, которому мусульманская община лишь вверяет право управлять собой. Из-за того, что порядок замещения должности главы исламского государства не был строго определен ни Кораном, ни Пророком, мусульманские правоведы в большинстве своем сходились в мысли о том, что пост халифа достается соискателю в силу особого договора, заключаемого между общиной и претендентом на пост халифа (Issaev, Zakharov 2022).

В соответствии с подобным договором правитель несет личную ответственность перед общиной за осуществление власти и вправе требовать от нее беспрекословного подчинения, которое, однако, обусловлено тем, что сам он должен неукоснительно следовать предписаниям шариата. Именно этот принцип позволяет мусульманам выступать против халифа в тех случаях, когда правитель пренебрег нормами шариата, перестал

руководствоваться интересами подданных или советоваться с ними. Суннитская политико-правовая культура особо подчеркивает то, что «власть главы государства не абсолютна, он не пользуется какими-либо привилегиями или иммунитетом, а также, как и простой мусульманин, подчиняется нормам шариата и может быть наказан за любой проступок» (Сюкияйнен, 2016: 143). Отсюда, кстати, вытекает не менее важный для нашего исследования принцип суннитской политической теории, в соответствии с которым правитель, даже отправляя религиозную власть в государстве, персонально, тем не менее, лишен божественной природы. Иначе говоря, происхождение от самого Пророка отнюдь не означает для его потомков личной божественности, со всеми вытекающими отсюда политическими последствиями. (Issaev, Zakharov 2022)

Говоря о правящей династии Алауитов в Марокко, следует отметить, что ее возвышению способствовала во многом политика, проводимая французами во времена протектората. Вопреки своему сакральному происхождению и многовековой истории, власть султана Марокко в период, предшествовавший установлению в 1912 г. французского протектората, была гораздо скромнее, чем власть марокканского короля сегодня. Несмотря на то, что султан признавался неоспоримым носителем божественной благодати («*барака*»), он, тем не менее, не был единоличным обладателем духовной власти: за ним закреплялось лишь полномочие быть имамом на пятничной молитве (Васильев, 1990: 209).

Такое положение вещей сохранялось вплоть до 1957 г., когда султанат был преобразован в королевство. На протяжении всей марокканской истории монарха ограничивал совет племенных вождей, спектр компетенций которого подразумевал не только выбор наследника престола, но и лишение султана полномочий. Более того, у правителя не было даже права интерпретировать исламские законы: оно закреплялось за улемами – учеными-богословами, а судебная власть до середины XIX века

осуществлялась судьями, назначаемыми не монархом, а верховным судом города Фес, духовной столицы Марокко. Соответственно, выносить решения по наиболее важным вопросам внутренней и внешней политики султан мог после получения одобрения со стороны совета улемов, которое фиксировалось в соответствующих фетвах (Issaev, Zakharov 2022).

Лишь в XX столетии и только благодаря французам, политический и религиозный авторитет правящей в Марокко династии начал стабильно укрепляться, что, разумеется, способствовало и реанимации забытых сакральных оснований управленческой системы. Под французским «зонтиком» здешний монарх становился все более полновластным и неограниченным правителем. Главная заслуга в разрушении прежней структуры исламских «сдержек и противовесов» и в последовавшем потом возвышении монархии принадлежала не столько самому монарху, сколько французским колонизаторам: как раз в те годы Париж всеми силами способствовал реорганизации султанского правления, последовательно работая над его осовремениванием (Issaev, Zakharov 2022).

Цель Парижа была вполне понятной: ему хотелось превратить султанат в эффективно работающий бюрократический механизм, построенный на принципах единоначалия и обслуживающий интересы метрополии. Но, какими бы ни были их замыслы, именно режим иностранного покровительства, по справедливому замечанию С. Миллер, «извлек институт султанской власти со свалки истории, вернул ему уважение, устранил всех, кто покушался на его религиозную монополию – и, сделав все это, позволил ему в будущем, когда пыль деколонизации улеглась, утвердить свою абсолютную власть в Марокко» (Miller, 2013: 118). В свою очередь, расширение полномочий султана как единоличного политического лидера, инспирированное французами «сверху», вполне ожидаемо стимулировало и укрепление его авторитета среди простых марокканцев «снизу».

В 1950-е гг. состоялся окончательный слом прежней административно-политической структуры, в результате которого верховная власть перешла от племенной верхушки и религиозных авторитетов, доминировавших в марокканской политической традиции со стародавних времен, к единоличному монарху. Уже в первые годы царствования Мухаммад V современными правовыми средствами легитимировал собственную власть «повелителя правоверных», поставив тем самым себя выше всех остальных политических акторов государства. Гарантированное превосходство трона над прочими участниками политического процесса было закреплено в первой марокканской конституции 1962 г. Хасан II, сын Мухаммада V, характеризовал марокканскую систему следующим образом: «Кто бы ни был назначен нами на государственную или военную должность, ему надлежит служить нашим целям – миссии повелителя правоверных, который является тенью Аллаха на земле» (Васильев, 1990: 188-189).

Иначе говоря, вопреки высказываемым иногда мнениям, та политическая система, в рамках которой королю приписывается «божественный иммунитет» от любых политических промахов, а его властные прерогативы трактуются как заведомо неоспоримые, оказывается не столько порождением национальной или исламской политической традиции, сколько рукотворным конструктом относительно недавнего прошлого. Таким образом, могущество алауитского монарха держится вовсе не на якобы привычном для мусульманского мира почтении к потомкам Пророка, а на специфической системе сдержек и противовесов, которую сконструировал король Мухаммад V, передав ее своим наследникам (Issaev, Zakharov 2022).

Среди прочих особенностей этой системы стоит выделить, в частности, применение хотя и изощренной, но вполне «земной» методики работы с оппозиционными силами, в рамках которой одни оппозиционеры полностью и жестко отстраняются от политического процесса, а другие, допущенные к нему, оказываются объектами манипуляций, лишаящих их стимулов активно

боротся за власть или разжигать социальный протест (Lust-Okar, 2005: 14). К числу последних с полным основанием можно отнести и не раз упомянутую выше старейшую политическую партию «Истикляль», основатели которой никогда не испытывали энтузиазма по поводу наделения правящей династии безраздельной властью. Политическая программа этой организации, разработанная в середине 1940-х гг., изначально отводила монархии весьма скромную роль, полагая, что трон должен освободить себя от несвойственных для него тягот политической борьбы и ограничиться привычной для него ролью посредника, третейского судьи или просто символа нации (Орлов, 2009: 95).

Благодаря французскому патронату, а потом и собственным новаторским подходам, марокканский монарх за весьма короткое время превратился, по выражению американского арабиста Э. Бёрка, в «заинтересованного брокера на бирже политических интересов» (Васильев, 1990: 184). В итоге на протяжении последних десятилетий стабильность королевской власти обеспечивалась продуманной и жесткой тактикой, взятой на вооружение марокканскими монархами после обретения независимости: двор по очереди привлекал к управлению страной различные политические силы и последовательно выявлял неспособность каждой из них управлять в одиночку, благодаря чему авторитет монарха непрерывно возрастал, а главных политических партий столь же неуклонно падал (Ланда, 1985).

Наконец, тезис о «сакральности» марокканской власти важно сопоставить и с тем фактом, что после ухода французов Алауитская династия считала своей главной опорой вооруженные силы. Именно по этой причине с самого провозглашения независимости армия Марокко официально называлась не «национальной», а «королевской». При этом, однако, военные далеко не всегда сохраняли безоговорочную лояльность престолу, несмотря на его божественную родословную: на рубеже 1960-х и 1970-х гг. в Марокко не только предпринимались попытки государственного переворота, но и

состоялись несколько покушений на жизнь самого Хасана II, сына Мухаммада V (Issaev, Zakharov 2022).

Помимо этого, марокканский трон укреплял свое положение за счет т.н. политики «бюрократизации» ислама, начатой Хасаном II, с целью укрепления позиции официальных духовных структур и, по выражению российского историка В.В. Орлова, превращая религиозную жизнь Марокко в «свою вотчину» (Орлов, 2009). Еще в 1980-е гг. марокканский корпус улемов был реформирован и встроен в государственную управленческую вертикаль: общенациональную сеть религиозных деятелей подчинили высшей религиозно-правовой инстанции в лице Высшего совета улемов, руководимого самим королем.

Этот орган, однако, не собирался до 2000 г., оставаясь декоративным. Но на фоне набирающего обороты противодействия марокканского государства салафитам и шиитам, Мухаммад VI, вступивший на престол в 1999 г., вдохнул в него новую жизнь: в 2008 г. он заявил о том, что улемы должны со всем усердием «крепить духовную безопасность нации» (Waincott, 2017: 108). К началу 2010-х гг. в бюрократическую пирамиду, венчаемую Высшим советом улемов, входили 27 региональных и 67 местных советов. Подобная иерархическая система не допускает никакой самостоятельности: улучшая материальное положение духовных лиц, двор постоянно требует от них административной дисциплины и неизменного почтения к монарху (Issaev, Zakharov 2022).

Что же касается религиозных институций, не вписывающихся в государственный курс, то власти жестко выдавливали их за пределы общественного поля. С середины 1980-х гг., после реформы профильного министерства, занимающегося делами ислама, в деятельность советов улемов, связанную с утверждением имамов мечетей, предварительным одобрением текстов проповедей, а также решением финансовых вопросов, оказались вовлеченными и губернаторы провинций (Орлов, 2009: 103).

Стараясь подчеркнуть свой особый религиозный статус, Хасан II уделял большое внимание внешней стороне благочестия. Учрежденный им Высший институт пропаганды веры был уполномочен опекать мусульманское образование, а также обеспечивать распространение официального религиозного нарратива. Начиная с 1980-х гг., в Марокко появлялось все больше теле- и радиопрограмм, освещающих исламскую проблематику (Issaev, Zakharov 2022).

Исламская проповедь изображалась в качестве инструмента, сплачивающего марокканскую нацию, что в свете этнокультурной неоднородности и арабо-берберской дихотомии было особенно важным. Кроме того, Хасан II реанимировал начатую еще его отцом Мухаммадом V программу строительства в Марокко тысячи мечетей, заложив в 1987 г. в Касабланке третью по величине (на тот момент времени) мечеть мусульманского мира. Ислам, однако, поощрялся при обязательном условии: от мусульманских объединений требовалась безупречная лояльность режиму, а от духовенства и общины – отказ от любой самостоятельности в религиозных делах (Issaev, Zakharov 2022).

Ту же линию на интеграцию ислама в бюрократический аппарат власти продолжил Мухаммад VI. В его случае мощнейшими импульсами к более основательному огосударствлению доминирующей религии послужили, во-первых, «война с террором», развернутая Соединенными Штатами Америки после 11 сентября 2001 г. и накалившая ситуацию в исламском мире, а, во-вторых, террористические атаки в самом Марокко, состоявшиеся в первой половине 2000-х гг. (Issaev, Zakharov 2022).

Всеобъемлющая и комплексная религиозная реформа, запущенная Рабатом в 2004 г, «до предела бюрократизировала марокканский ислам, отдав ключевые решения относительно религиозных практик в руки людей, получающих зарплату от государства» (Waincott, 2017: 1). В результате

состоялась полная кооптация старых и формирование новых религиозных элит, которых объединяет безраздельная преданность престолу.

Принимая под свою опеку всю полноту религиозной жизни нации, марокканская монархия опиралась на обширный набор руководимых государством институций, которые всевозможными способами воспроизводят и распространяют официальную интерпретацию ислама. В сферу контроля попали способы освоения и интерпретации религиозных текстов, религиозные средства массовой информации и религиозные учебные заведения. Координирующие усилия государства заставили работать рука об руку маленькие фонды, подготавливающие новые издания Корана, и огромные университеты, осуществляющие масштабные программы исламских исследований. Показательно, что в настоящее время столь же развитой религиозной инфраструктурой обладают лишь две страны исламского мира – Иран и Саудовская Аравия (Waincott, 2017: 98).

Как и следовало ожидать, наполнение исламского смыслового поля контентом, фабрикуемым и поставляемым государственными органами, позволило властям, во-первых, заглушить претензии к сакральным основаниям монархии, а во-вторых, снизить градус политики устрашения, к которой так или иначе в 2000-е гг. обращались все авторитарные режимы Ближнего Востока и Северной Африки. Полная нейтрализация угрозы, потенциально исходящей от независимых религиозных элит, породила довольно необычный политико-религиозный конструкт, который некоторые исследователи называют «марокканским исламом» (Issaev, Zakharov 2022).

Реформа оказалась настолько эффективной, что в 2015 г., по случаю сорокалетия «зеленого марша», который при Хасане II обеспечил аннексию Западной Сахары, марокканские власти позволили себе символический жест, немислимый в соседних странах, тоже страдающих от террористической угрозы: они амнистировали более трех с половиной тысяч исламских радикалов и сократили сроки еще нескольким сотням (Waincott, 2017: 42).

Среди выпущенных на свободу были и те, кто обвинялся в причастности к терактам 2003 г. Символично, однако, что масштабной амнистии предшествовал королевский декрет, подписанный в мае 2014 г. и категорически запрещающий имамам участие в любой политической деятельности, включая и работу с профсоюзами (Issaev, Zakharov 2022).

Таким образом, несмотря на божественное происхождение, марокканская королевская власть продемонстрировала устойчивость не столько в силу своего «сакрального» статуса, сколько в созданной системы сдерживания оппозиции и политики целенаправленного использования религиозных ритуалов и институтов для упрочения собственной власти, которая стала ключевым инструментом в марокканском арсенале государственного строительства.

10. Заключение

Исследования, собранные в рамках данной диссертации, касались различных аспектов одного и того же вопроса: выявление особенностей факторов социально-политической дестабилизации в «афразийской» макроне нестабильности.

Во-первых, нами было введено в научный оборот понятие «афразийской» макроне нестабильности, которая представляет собой совокупность центральноазиатской, ближневосточной, североафриканской и сахельской зон, характеризующихся наиболее высоким уровнем процессов социально-политической дестабилизации. Данная макроне весьма точно совпадает с территорией Омейядского халифата, зоной крайне низкого уровня экономической активности женщин и распространения ортокузенных браков и есть все основания считать, что «афразийская» макроне нестабильности сформировалась на достаточно глубокой цивилизационной основе. Распространенная в арабо-мусульманских странах цивилизационная установка на то, что жених при вступлении в брак берет на себя

обязательства по полному обеспечению супруги и детей коррелирует и с откладыванием заключения брака мужчинами, и с ростом политического насилия. Это же в свою очередь объясняет и ранее обнаруженную (Robinson et al. 2006) статистически значимую корреляцию между низким уровнем экономической активности женщин и высоким уровнем террористической активности.

Во-вторых, изучение процессов социально-политической дестабилизации в рамках событий «арабской весны» позволило сделать вывод о качественном изменении протестной мировой динамики в начале 2010-х гг. Наши исследования, основанные на данных The Cross-National Time-Series (CNTS) показали, что «арабская весна» выступила в качестве триггера глобальной волны дестабилизации, значительно превысившей по своим масштабам саму «арабскую весну» и затронувшей абсолютно все мир-системные зоны. Иными словами, в начале 2010-х гг. мы имели дело с переходом к качественно новому состоянию глобальной протестной активности, который был подготовлен новой волной роста глобальной информационной связности, а также совершенствованием средств протестной самоорганизации за счет распространения новых технологий таких, как Интернет, спутниковое телевидения, социальных сетей, мобильной связи и т.д. И хотя распространение этих технологий шло задолго до 2011 г., их колоссальный потенциал для генерирования и протестной активности реализовывался скачкообразно во время событий «арабской весны».

В-третьих, на основе изучения революционной волны 2023-2014 гг. нами был выявлен такой фактор социально-политической дестабилизации, как центр-периферийный диссонанс. Возникновение этого фактора характерно для развивающихся обществ, к коим относятся страны «афразийской» макрзоны нестабильности, и обусловлено более высокими темпами модернизации столиц, нежели периферии. На наш взгляд

дестабилизирующая роль этого фактора может быть очень сильна. События 2010-х гг. показали, что этот фактор способен дестабилизировать общество и в условиях завершения демографического перехода, когда исчезает традиционный фактор политической дестабилизации, «молодежный бугор» (Коротаев и др. 2021).

В-четвертых, важнейшим фактором, предопределивший характер социально-политической дестабилизации в «афразийской» макроне нестабильности является децентрализация. События «арабской весны» обнажили реальный кризисный потенциал той или иной арабской страны, сделав явными многочисленные и зачастую колоссальные проблемы, которые на протяжении десятилетий игнорировались или откладывались местными властями. Но, если в одних государствах главный лозунг «арабской весны» – «Народ требует свержения режима», оказался фатальным только для отдельных правителей, ознаменовав смену руководящих элит и не коснувшись политической системы как таковой, то в других государствах процессы социально-политической дестабилизации разрушили почти все. Можно отметить, что не разрешавшаяся на протяжении десятилетий проблема перераспределения власти между центром и регионами стала одним из важнейших факторов дестабилизации в регионе.

В-пятых, наличие внутриэлитного раскола сыграло ключевую роль в успехе процессов социально-политической дестабилизации в странах «афразийской» макроне нестабильности. Опыт изучения событий в Египте в первой половине 2010-х гг. показал, что успех египетской революции 2011 г. Во многом стал возможен из-за сильнейшего внутриэлитного раскола между военными («старой гвардией») и экономической элитой («молодой гвардией»), группировкой ведущих египетских бизнесменов во главе с Г. Мубараком. В свою очередь проход к власти Братьев-мусульман заставил египетскую экономическую элиту пойти на примирение с военными, и в

июне 2013 г. они уже выступили единым хорошо скоординированным фронтом, обеспечившим столь быстрое свержение президента М. Мурси.

Наконец, было отмечено, что стабильность монархических режимов в Марокко и Иордании во время «арабской весны», а также во время второй революционной волны конца 2010-х гг. (Issaev, Korotayev, 2022) зиждется на морально-юридическом превосходстве короля над любой из оппозиционных групп. Правящая династия Алауитов в Марокко – одна из очень немногих, чья королевская родословная восходит к самому пророку Мухаммеду. Несмотря на свое сакральное происхождение, устойчивость марокканской королевской власти свидетельствует о наличии в руках монархов дополнительных инструментов стабилизации, среди которых важную роль играет т.н. политика «бюрократизации» ислама – целенаправленное использование религиозных ритуалов и институтов для упрочения собственной власти, – которая стала ключевым инструментом в марокканском арсенале государственного строительства. Кроме того, именно Франция возвысила королевскую семью и позволила трону стать опорой марокканского национализма.

Список литературы

1. Albrecht H., Koehler K. (2020). Revolutionary mass uprisings in authoritarian regimes. *International Area Studies Review*, 23(2): 135–159.

2. Aminzade R., Goldstone J., McAdam D., Perry E., Sewell W., Tarrow S., Tilly C. (2001). *Silence and Voice in the Study of Contentious Politics*. Cambridge University Press.

3. Arceneaux N. (2014). Small, Cheap, and out of Control. Reflections on the Transistor Radio. *The Routledge Companion to Mobile Media*. New York, NY: Routledge.

4. Akaev A., Korotayev A., Issaev L., Zinkina J. (2017). Technological development and protest waves: Arab spring as a trigger of the global phase transition? // *Technological Forecasting and Social Change*. 116: 316-321.

5. Austin Holmes A. (2012). There Are Weeks When Decades Happen: Structure and Strategy in the Egyptian Revolution. *Mobilization: An International Quarterly*, 17(4): 391–410.
6. Bayat A. (2017). *Revolution without revolutionaries*. Stanford University Press.
7. Bayer M., Bethke F., Lambach D. (2016). The democratic dividend of nonviolent resistance. *Journal of Peace Research*, 53(6): 758–771.
8. Beck C. (2011). The world-cultural origins of revolutionary waves five centuries of European contention. *Social Science History*, 35(2), 167–207.
9. Beck C. (2014). Reflections on the Revolutionary Wave in 2011. *Theory & Society*, 2(43): 197–223.
10. Beck C. (2018). The Structure of comparison in the study of revolution. *Sociological Theory*, 36(2): 134–161.
11. Beissinger M. R. (2023). *The revolutionary city*. Princeton University Press.
12. Beissinger M. R., Jamal A. A., Mazur K. (2015). Explaining Divergent Revolutionary Coalitions. *Regime Strategies and the Structuring of Participation in the Tunisian and Egyptian Revolutions*. *Comparative Politics*, 48(1): 1–24.
13. Besenyo J. (2013). War at the Background of Europe: The Crisis of Mali. *War at the Background of Europe: The Crisis of Mali*. *AARMS: Academic & Applied Research in Military Science*, 12(2): 247–271.
14. Bowsby E., Chenoweth E., Hendrix C., Moyer J. (2020). The future is a moving target: Predicting political instability. *British Journal of Political Science*, 50: 1405–1417.
15. Breau S. (2014). The Occupy Movement and the Top 1 % in Canada. *Antipode*, 46(1): 13–33.
16. Celestino M., Gleditsch K. (2013). Fresh carnations or all thorn, no rose? Nonviolent Campaigns and transitions in autocracies. *Journal of Peace Research*, 50(3): 385–400.

17. CNTS. (2016). Cross-National Time Series Data Archive Coverage. Databank International. URL: <http://www.databanksinternational.com>.
18. Courtwright D. (1998). *Violent Land: Single Men and Social Disorder from the Frontier Land to the Inner City*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
19. Daly M., Wilson M. (1990). Killing the Competition. *Female/Female and Male/Male Homicide*. *Human Nature* 1(1): 81–107.
20. Danjibo N. (2013). The Aftermath of the Arab Spring and Its Implication for Peace and Development in the Sahel and Sub-Saharan Africa. *Strategic Review for Southern Africa*, 35(2): 16–34.
21. Della Porta D. (2016). *Where did the revolution go?* Cambridge University Press.
22. Erdogan A. (2013). From the Collapse of Communism in Eastern Europe to the Arab Spring: Lessons for Democratic Transition. *Alternatives: Turkish Journal of International Relations*, 12(3): 17–31.
23. Fahmy H. (2011). Muslim Brotherhoods Reconsiders Refusal to Participate in Jan 25 Demo. *Daily Egypt*, 21 January.
24. Feldman N. (2008). *The Fall and Rise of Islamic State*. Princeton and Oxford: Princeton University Press.
25. Foran J. (2005). *Taking power: On the origins of third world revolutions*. Cambridge University Press.
26. Goldstone J. A. (2014). *Revolutions: A very short introduction*. Oxford University Press.
27. Goldstone J. A., Grinin L. E., Korotayev A. V. (Eds.) (2022). *Handbook of revolutions in the 21st century. The new waves of revolutions, and the causes and effects of disruptive political change*. Springer.
28. Grinin L. (2019). Revolutions in the light of historical process. *Social Evolution & History*, 18(2): 260–285
29. Grinin L., Korotayev A. (2015). *Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective*. Springer.

30. Grinin L., Korotayev A., Tausch A. (2019). *Islamism, Arab spring, and the future of democracy*. Springer.
31. Horowitz, D.L. (2007). The Many Uses of Federalism. *Drake Law Review*, 55: 953-966.
32. Djuve V., Knutsen C., Wig T. (2020). Patterns of regime breakdown since the French revolution. *Comparative Political Studies*, 53(6): 923–958.
33. Issaev L. (2021). Russia and the New Middle East // *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. 3(23). P. 423-442.
34. Issaev L. (2023). Russia and the Middle East: From “Honest Broker” to “Status Keeper” // *Demokratizatsiya*, 3(31). P. 309-333
35. Issaev L., Korotayev A. (Eds.) (2022). *New Wave of Revolutions in the MENA Region. A Comparative Perspective*. Springer.
36. Issaev L., Korotayev A., Zinkina J. (2015). Center-Periphery Dissonance as a Possible Factor of the Revolutionary Wave of 2013-2014: a Cross-Cultural Analysis. *Cross-Cultural Research*. 4. P. 461-488.
37. Issaev L., Zakharov A. (2021). *Federalism in the Middle East: State Reconstruction Projects and the Arab Spring*. Springer.
38. Issaev L., Zakharov A. (2022). Dynastic Sacredness: Islam and the Arab Spring in Morocco // *Middle East Policy*. 3(29): 112-128.
39. Jalalzai M. K. (2015). *The Prospect of Nuclear Jihad in Pakistan: The Armed Forces, Islamic State, and the Threat of Chemical and Biological Terrorism*. New York: Algora Publishing.
40. Jayawardena K. (2016). *Feminism and nationalism in the third world*. Verso.
41. Kadivar M., Caren N. (2016). Disruptive democratization: Contentious events and liberalizing outcomes globally, 1990–2004. *Social Forces*, 94(3): 975–996.
42. Kadivar M., Ketchley N. (2018). Sticks, stones, and Molotov cocktails: Unarmed collective violence and democratization. *Socius: Sociological Research for a Dynamic World*, 4: 1–16.

43. Kerton S. (2012). Tahrir, Here? The Influence of the Arab Uprisings on the Emergence of Occupy. *Social Movement Studies*, 11(3–4): 302–308.
44. Korotayev A., Issaev L., Shishkina A., Rudenko M. A., Ivanov Y. (2016). Afrasian Instability Zone and Its Historical Background // *Social Evolution & History*. 2(15): 120-140.
45. Koos C., Gutschke T. (2014). South Sudan Newest War: When Two Old Men Divide a Nation. *Giga Focus* 2.
46. Krastev I. (2014). From Politics to Protests. *Journal of Democracy* 25(4): 5–19.
47. Kumar A. (2016). *Multi-party Democracy in the Maldives and the Emerging Security Environment in the Indian Ocean Region*. New Delhi: Pentagon Press.
48. Lang J., De Sterck H. (2014). The Arab Spring: A Simple Compartmental Model for the Dynamics of a Revolution. *Mathematical Social Sciences*, 69: 12–21.
49. Lavington S. (1998). *A History of Manchester Computers*. Swindon: The British Computer Society.
50. Lawson G. (2019). *Anatomies of revolutions*. Cambridge University Press.
51. Lefevre R. (2014). Is the Islamic State on the Rise in North Africa? *The Journal of North African Studies*, 19(5): 852–856.
52. Lifintseva T. P., Issaev L., Shishkina A. (2015). Fitnah: The Afterlife of a Religious Term in Recent Political Protest. *Religions*, 6(2): 527–542.
53. Lust-Okar E. (2005). *Structuring Conflict in the Arab World: Incumbents, Opponents, and Institutions*. Cambridge: Cambridge University Press.
54. Marks M. (2011a). *The Hazard Posed by and Determinants of Delayed Male Marriage in Egypt*. Master Thesis of Stanford University.
55. Marks M. (2011b). *Determinants of Delayed Male Marriage in Egypt*. *The Stanford Journal on Muslim Affairs* 2(1): 22–29.

56. Marshall S., Stacher J. (2012). Egypt's Generals and Transnational Capital. Middle East Report. Available at: <http://www.merip.org/mer/mer262/egypts-generals-transnational-capital> (accessed 15 January 2014).
57. Mensch B., Singh S, Casterline J. (2005). Trends in the Timing of First Marriage Among Men and Women in the Developing World. New York, NY: Population Council.
58. Miller S.G. (2013). A History of Modern Morocco. Cambridge: Cambridge University Press.
59. Musthaq F. (2014). Tumult in the Maldives. *Journal of Democracy* 25(2): 164–170.
60. Nepstad S. (2011). *Nonviolent revolutions*. Oxford University Press.
61. Nepstad S. (2015). *Nonviolent struggle: Theories, strategies, and dynamics*. Oxford University Press.
62. Nguyen P., Poling G. B., Rustici K. B. (2014). Thailand in Crisis. Scenarios and Policy Responses. SCIS Report. Washington, DC: Center for Strategic and International Studies.
63. Ortmann S. (2015). The Umbrella Movement and Hong Kong's Protracted Democratization Process. *Asian Affairs*, 46(1): 32–50.
64. Parsa M. (2000). *States, ideologies, and social revolutions*. Cambridge University Press.
65. Puschmann P., Matthijs K. (2012). The Janus Face of the Demographic Transition in the Arab World. The Decisive Role of Nuptiality. Leuven: Centrum voor Sociologisch Onderzoek.
66. Rashad H., Osman M, Roudi-Fahimi F. (2005). *Marriage in the Arab World*. Washington, DC: Population Reference Bureau.
67. Ritter D. (2015). *The iron cage of liberalism*. Oxford University Press.
68. Robinson K. K., Crenshaw E. M., Jenkins J. C. (2006). Ideologies of violence: the social origins of Islamists and leftists transnational terrorism. *Social Forces*, 84(4): 2009-2026.

69. Rosenfeld H. (1957). An Analysis of Marriage Statistics for a Moslem and Christian Arab Village. *International Archives of Ethnography* 48: 32–62.
70. Sagarzazu I. (2014). Venezuela 2013: A Country Divided in Two Halves. *Revista de ciencia política*, 34(1): 315–328.
71. Sampson R., Laub J., Wimer C. (2006). Does Marriage Reduce Crime?, A Counterfactual Approach to Within-Individual Causal Effects. *Criminology* 44(3): 465–508.
72. Snyder R. (1998). Paths out of Sultanistic Regimes: Combining structural and voluntarist perspectives. In Chehabi H., Linz J. (Eds.). *Sultanistic Regimes*. Johns Hopkins University Press.
73. Slinko E., Bilyuga S., Zinkina J., Korotayev A. (2017). Regime type and political destabilization in cross-national perspective: A re-analysis. *Cross-Cultural Research*, 51(1): 26–50.
74. Shishkina A., Issaev L., Korotayev A. (2016). Egyptian coup of 2013: an ‘econometric’ analysis // *Journal of North African Studies*. 3(21): 341-356.
75. Toros H. 1975. Bride Price Inflation Soaring. *Daily News*, 214
76. Transistor Radios. (1999). PBS Online. URL: <http://www.pbs.org/transistor/background1/events/tradio.html>.
77. UN Population Division. (2020). World Marriage Data 2020 (POP/DB/Marr/Rev2020).
78. Waincott A.M. (2017). *Bureaucratizing Islam: Morocco and the War on Terror*. Cambridge: Cambridge University Press.
79. Weyns Y., Hoex L., Hilgert F., Spitta S. (2014). Mapping Conflict Motives: the Central African Republic. Belgium: IPIS Research Institute. URL: [http:// ipisresearch.be/wp-content/uploads/2014/11/IPIS-CAR-Conflict-Mapping-November-2014.pdf](http://ipisresearch.be/wp-content/uploads/2014/11/IPIS-CAR-Conflict-Mapping-November-2014.pdf).
80. World Bank. (2020). Labor force participation rate, female (% of female population ages 15–64) (modeled ILO estimate). *World Development*

Indicators Online. Washington, DC: World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SL.TLF.ACTI.FE.ZS>.

81. Wyrzten J. (2015). Making Morocco: Colonial Intervention and the Politics of Identity. Ithaca, NY: Cornell University Press.

82. Аль-Маварди А.Х. (б.г.). [Властные нормы и религиозные полномочия.] Бейрут: Дар ал-кутуб ал-илмийа. (На арабском языке).

83. Ар-Разик А. (1974). [Ислам и основы власти.] Бейрут: Ал-Муассаса ал-арабиййа ли-л-дирасат ва-н-нашр. (На арабском языке).

84. Боголюбов А. С. (1991). Махр. Ислам: энциклопедический словарь / Отв. ред. С.М. Прозоров. М.: Наука.

85. Вайс М., Хасан Х. (2016). Исламское государство: армия террора. М.: Альпина нон-фикшн.

86. Васильев А. М. (2011). Цунами революций. Азия и Африка сегодня, № 3: 2–18.

87. Васильев А.М. (ред.) (1990). Современная Африка: итоги и перспективы развития. Эволюция политических структур / Под ред. А.М. Васильева. М.: Наука.

88. Васильев А.М., Виноцкий Д.И. (2013). Египетская конституция: исламское “да” светскому “нет” // Азия и Африка сегодня. № 3. С. 2–10.

89. Васильев А. М., Исаев Л. М., Коротаев А. В., Кожанов Н. А., Мардасов А. Г., Семенов К. В., Хайруллин Т. Р. (2019). Схватка за Ближний Восток: региональные акторы в условиях реконфигурации ближневосточного конфликта. М.: Либроком.

90. Голдстоун Д. (2006). К теории революции четвертого поколения // Логос. № 5. С. 58-103.

91. Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Коротаев А. В. (2015). Революции и нестабильность на Ближнем Востоке. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».

92. Демченко А.В. (2013). Затянувшаяся «весна» в Иордании // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабский мир

после Арабской весны / Отв. ред. А.В. Коротаев, Л.М. Исаев, А.Р. Шишкина. М.: УРСС. С. 85—106.

93. Ефремова Н.В. (2018). Али Абдарразик как родоначальник секуляризма в исламе // Ислам в современном мире. Т. 14. № 3. С. 93--114.

94. Исаев Л.М. (2013а). Арабская весна и Лига арабских государств: между Багдадом и Каиром // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. № 3. С. 55-63.

95. Исаев Л.М. (2013б). ЛАГ и Ближневосточный кризис // Азия и Африка сегодня. № 5. С. 33-36.

96. Исаев Л.М. (2014). Исламисты и политический процесс в Египте после “арабской весны” // Арабский кризис и его международные последствия / Общ. ред. А.М. Васильев. М.: Либроком/УРСС. С. 109–122.

97. Исаев Л.М., Шишкина А.Р. (2012). Египетская смута XXI века. Москва, Либроком.

98. Коротаев А. В., Мещерина К. В., Слинько Е. В., Шишкина А. Р. (2019). Ценностные ориентации Афразийской зоны нестабильности: гендерные измерения // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. №1. С. 22–154.

99. Коротаев А. В., Соьер П., Гладышев М., Романов Д. А. Шишкина А. Р. (2021). О некоторых социально-демографических факторах интенсивности антиправительственных демонстраций: доля молодежи в населении, урбанизация и протесты // Социологическое обозрение, 20(3), 98-128.

100. Коротаев А.В., Зинькина Ю.В. (2011). Египетская революция 2011 года. Структурно-демографический анализ // Азия и Африка сегодня. № 7. С. 15-21.

101. Кузнецов В.А. (2018). Парадоксы развития арабских политических систем // Вестник МГИМО-Университета. № 5 (62). С. 23—48.

102. Куприн А.И. (2004). Власть и исламистская оппозиция в Марокко // Ближний Восток и современность: Сборник статей. Вып. 24. М.: Институт Ближнего Востока.
103. Ланда Р.Г. (1985). Марокко: 30 лет независимости. М.: Знание.
104. Орлов В.В. (2009). Марокко: монархия и ислам в условиях многопартийности // Современная Африка: метаморфозы политической власти / Под ред. А.М. Васильева. М.: Наука, 2009.
105. Пономаренко Л.В., Чикризова О.С. (2013). Исламский фактор во внутренней политике Марокко // Вестник РУДН. Серия «Всеобщая история». № 1.
106. Рида Р. (1994). [Халифат, или Великий имамат.] Каир: Аз-Захр али-л-илам ал-арабийй. (На арабском языке).
107. Серебров С. (2015). Революция и конфликт в Йемене. Конфликты и войны XXI века. Ближний Восток и Северная Африка / Ред. В. Наумкин, Д. Малышева. М.: ИВ РАН. С. 277–334.
108. Сюкияйнен Л.Р. (2016). Исламская концепция халифата: исходные начала и современная интерпретация // Ислам в современном мире. Т. 12. № 3.
109. Труевцев К. М. (2014). Зоны региональных конфликтов. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 5 / Отв. ред. А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, А. Р. Шишкина, Л. Е. Гринин. Волгоград: Учитель. С. 150–169.
110. Труевцев К.М. (2011). Год 2011 -- новая демократическая волна? Препринт WP14/2011/05. (Серия WP14: Политическая теория и политический анализ). М.: НИУ ВШЭ.
111. Турьинская Х. М. (2015). Ливия. Возможен ли возврат к федерализму? // Азия и Африка сегодня, № 8: 18–23.
112. Хантингтон С. (2003). Столкновение цивилизаций. М.: АСТ.

113. Шишкина А.Р. (2017). Коммуникационные, поколенческие и культурные факторы социально-политической дестабилизации в арабских странах в 2011 г. : дис. ... кандидата политических наук : 23.00.02 / Шишкина Алиса Романовна; [Место защиты: Нац. исслед. ун-т «Высш. шк. Экономики»]. – Москва.

114. Шмелева Т. (2003). Традиции, обычаи, нравы. Египет. Свадебные обряды: история и современность // Азия и Африка сегодня, № 9: 67–71.